

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses with black outlines and stems, set against a white background. The roses are in various stages of bloom, and the stems are thin and winding.

Рита Галис

Невеста
палача

18+

Рита Галис

Невеста палача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41973747

SelfPub; 2023

Аннотация

Дарина продана в невесты палачу, но судьба – плутовка, и до венчания девушку похищает колдун из иного мира – Темный князь Константин. С этого момента жизнь Дарины переворачивается с ног на голову, преподнося множество приключений и испытаний. Она должна спасти колдуна-похитителя, сумевшего завоевать ее любовь, от пожирающего душу мрака, но длительное время оставаться в чужом мире опасно, ведь по правилам магии принадлежит она палачу. И только время покажет, сможет ли истинная любовь преодолеть трудности и преграды на пути.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	69
Глава 6	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Рита Галис

Невеста палача

Глава 1

Март 1600 г. Россия, село Опричное

Огненно-алый шар катился за горизонт, разливая по вечернему небосводу золотисто-багровые лучи. На улице тихо, тепло и безветренно. Погода совершенно не соответствовала мартовским дням, когда должны еще стоять на дворе холода, а руки, да ноги стынуть и зябнуть оттого, что зима отступила совсем недавно. Конечно, март подходил к концу, но это не слишком оправдывало разыгравшуюся оттепель.

Деревья, еще недавно покачивали на ледяном ветру голыми ветвями, теперь, напившись солнечным теплом, выпускали молодые зеленые лепестки, прорывая «кожицу» набухших почек. В сумеречном алом свете заката они казались сказочными духами, сбежавшими из леса, гуляющими по селу.

Опричное, так местные называли село, маленькое, да захудалое, располагалось неподалеку от города Великого Новгорода, на стороне Софийской от реки Волхов. Даже весенняя оттепель не придавала ему особой жизнерадостности. Небольшое количество деревянных срубов, перекрытых со-

ломой, выстроились вдоль единственной улицы поселения. Здесь жили крестьяне, пришедшие с чужих земель, и которым, якобы, не хватило места в городе, поэтому они поселились вблизи его. На самом деле, причина крылась в ином, чужаки-крестьяне не желали селиться в городских чертогах, не желая переходить в чью-либо собственность. В городе крепостных и так предостаточно, а за его чертой люди считались свободными, и пока на их свободу никто не посягал.

Но не для всех опричненских крестьян жизнь казалась свободной.

В одном из домишек, на жесткой деревянной скамье, сидела юная девушка, босая, в стареньком сарафане. В руках она держала старую выцветшую заштопанную рубаху. Взгляд лазуревых глаз прикован к оконцу, девушка сосредоточенно всматривалась в сумеречную даль, пытаясь запечатлеть в памяти необычную картину заката, подходившего к концу.

Внезапно, с улицы, внимание привлек звук приближающихся тяжелых шагов, сердце бешено заколотилось в груди, с трепетом, страхом и замиранием. Шаги смолкли на пороге, а через секунду, сильный удар ногой, заставил дверь распахнуться настежь, жалобно скрипнув петлями.

На пороге показался высокий плечистый мужик, сдвинутые в кучу, густые, кустистые брови красноречиво выражали недовольство, качнулся, привалился к дверному косяку.

– Ага, Даринка, опять бездельничаешь? – громыхнул в

небольшой комнатушке грозный бас.

– Что ты, батюшка, вот рубаху штопать едва кончила, – последовала короткая попытка оправдаться.

– Бреешь, паршивая! – заорал мужик, пронесся по выметенному начисто полу, преодолев в мгновение ока расстояние между ним и дочерью, и так низко наклонился, что та отпрянула назад, едва не слетев со скамейки.

Растеряно заморгав, девушка глубоко вдохнула, поморщилась, ощутив пахнувший запах крепкого перегара. Отец снова напился, ну теперь ей несдобровать.

Угрим Феофанович заметил неприязнь на лице дочери, хмыкнул, слегка покачнулся и отстранился, сощурил глаза, принялся придирчиво осматривать помещение. Комнатушка не велика, угловую часть с правой стороны от двери занимает саманная печь, наверху аккуратно засланная тряпичным стареньким покрывалом, указывавшим, что данное место служит постелью. Рядом с печью установлен деревянный стол, приставлена скамья, длинная, без спинки, с двумя толстыми ножками. В левом углу комнаты взгромоздился большой сундук, набитый пожитками хозяев, а недалеко от сундука располагается нечто напоминающее перину, только наполнена лежанка сухой соломой. Эта «перина» служила постелью для Дарины. Стены помещения завешаны разносортными сушеными грибами, вязанками колосьев пшеницы, сухих трав, деревянными ложками. Вся остальная посудная утварь, коей совсем не много, хранилась на печном шестке.

В целом картина составляла обычное зрелище нищенского жилья, но оно начисто прибрано, все расставлено аккуратно, пол подметен, печь вычищена. И все же Угрима что-то ужасно раздражало, поэтому он снова склонился к дочери, схватил за плечи, и рывком поставил на ноги.

– Ты что, паршивая, думала не разберу что к чему? – зловонно выдохнул мужик.

– Но как же...

– Чяво как же? – резко гаркнул Угрим, жестко тряхнув дочь. – Ты, когда брехать перестанешь? А? Весь день, небось, продрыхла, а под вечер храбрости набралась сказать, что работала! В хату войти гадко, грязюка кругом несусветная! Животина на дворе голодная орет, жрать просит! А ты тут сидишь, в оконце пялишься?!

У Дарины на глаза навернулись слезы. Да она за весь день только и присела к вечеру, и то, чтобы отцовскую рубаху заштопать. От зари, заведенной бегала, работу подгоняла, да и вообще, когда это она дни просиживала, не было отродясь такого. Угодить отцу в первую очередь старалась, работу по дому, по хозяйству знала, выполняла добросовестно, а в ответ только упрёки, да ругань. И что так злило-то его, не понятно вовсе. Сколько бы ни трудилась, как бы ни силилась, все не так, все плохо. И перестать бы давно уж стараться, да только если хоть немного попустит дело домашнее, так он и выпороть может. И на то, что ей двадцать годков минуло, на то, что она давно не ребенок, не посмотрит.

– Глаза б мои тебя не видели! – захрипел Угрим, и потащил дочь к выходу.

– Не надо! – заупиралась Дарина, предчувствуя недоброе.

– Чаво тебе не надо! Иди на двор, там ночуй, тебе ж без разницы, что тут, что там грязища одинаковая!

Не успела Дарина еще хоть словечко в оправдание сказать, как оказалась босая, полуодетая на улице. Угрим захлопнул дверь прямо перед ее носом, со словами:

– И не вздумай в дверь тарабанить, или выть, выпорю!

Дарина сделала шаг назад и поежилась, спорить с отцом все равно бесполезно. На улице становилось зябко, солнце уже закатилось за горизонт, а сумерки успели накрыть землю покрывалом полумрака. Надо бежать. Бежать к полю, к стогам сена, оставшимся после зимовки, лишь там можно укрыться, спрятаться. И она, сорвавшись с места, опроретью помчалась к заветной цели. До поля бежать не близко, и сделав всякий новый шаг, девушка ощущала, как каждую клетку юного тела заполняет панический страх. Этот страх порождал не холод, и не подступающий ночной сумрак, не расстояние от дома до стогов сена на поле, а то, что на пути она могла встретить иноземцев, в страхе державших простых крестьян, как в чертогах Великого Новгорода, так и за его пределами.

Иноземцы прибыли на Русь в больших количествах не так уж давно, 1598 году, когда Борис Годунов окончательно законно пришел к власти, и призвал их к себе в помощь, да

во служение. Но при этом они чувствовали и вели себя так, словно хозяева здешних мест были сами. В сущности, больших бед крестьянам не приносили, но и не упускали возможности сделать что-либо себе в угоду, даже если это противоречило здравому смыслу. Особенно иноземцам полюбилось силой брать девушек простолюдинок, если те встречались на дороге в поздний час, и без должной защиты. Нет сопровождения, значит ничья! Говорили они, и последствия не заставляли долго ждать. Поэтому девушки, дорожившие своей честью, да и жизнью, перестали ходить в вечернее время по улицам, а уж если и была особая нужда, то просили мужа, брата или отца о сопровождении.

Дарину же сопровождать было некому, поэтому она так торопилась, сильнее подгоняемая страхом.

Когда до поля оставалось совсем немного, запыхавшись от интенсивного бега, Дарина слегка притормозила, набрала полные лёгкие чистого воздуха, шумно выдохнула, подняла лицо к потемневшему небу, взглянула на проявившиеся звёзды и желтый полумесяц, выкатившийся на середину тёмно-синего полотна. Месяц тонок, но от него исходил плотный тяжелый желтовато-белый свет, падающий на землю, позволяющий различать внезапно появившийся вдоль дороги плотный клубок туманного облака странной формы.

Сбитая с толку Дарина резко остановилась, и стала пристально всматриваться вдаль. Образовавшееся на пути облако росло, быстро надвигаясь на неё. Девушка охнула, ин-

стинктивно почувствовав возможную опасность, сердце бешено заколотилось, она попыталась сдвинуться с места, но ноги словно одеревенели, стали неподвижными, неуправляемыми.

Продолжая расти, облако утрачивало сгустившуюся плотность, и через мгновение, прямо в его середине, беглянка отчетливо различила темный силуэт. Пристально взглядевшись в очертания, девушка смутно осознала, что силуэт вырисовывается мужской, а это не сулит ей ничего хорошего.

От безысходности она затрепетала, страх мгновенно приумножился, в глазах блеснула паника, мысли лихорадочно завертелись в голове. Кричать бесполезно, убежать не успеет, туманное облако приближается слишком быстро, остается только ждать неминуемой участи. Но легко она не сдается, лицом к лицу встретится с тем, что ожидает, и будет бороться до последнего вдоха.

Выпрямившись, Дарина сделала глубокий вдох и прищурилась. Тёмный силуэт принял отчетливые формы, стал узнаваем развивающийся плащ за спиной и широкополая шляпа. Мужчина, казалось, имеет высокий рост, широкоплеч и двигается так, словно не идет, а летел по воздуху. Это пугало еще сильнее. Но как только он оказался в нескольких шагах от беглянки, и та непроизвольно открыла рот, чтобы заорать во всю мочь, силуэт тут же растворился, туман рассеялся, и на улице стало аже немного светлее.

Часто моргая, пытаясь выйти из ступора, порождённого

страхом, Дарина шумно выдохнула, и только сейчас поняла, что не дышала несколько последних мгновений. Что это было? Видение? Впрочем не важно, что бы то ни было, нужно продолжать бежать, иначе в следующий раз, если она нарвется на реальных мужиков, на иноземцев, легко не отделается.

Глава 2

Чёрные тучи висели над каменным, готического вида, замком тёмного Князя Константина Ратмирова. Это было необычное строение, и уникальность архитектуры Амбра Каструм, заключалась не в форме постройки, и даже не в размерах, а в том, что замок недостижим для созерцания простым смертным. Князь, обладавший способностями творить магию, позаботился о том, чтобы место его обитания стало доступным только для него, и для тех, кто входил в круг союзников и подчинённых.

Внутри просторный Замок Теней имел множество прекрасно обставленных комнат, внушительных размеров балльный зал, согреваемый вечерами огромным камином, вполне способным послужит в качестве кладовой, кухню, хранившую запасы еды, достаточной для прокормки целой орды воинов. Библиотеку, излюбленное место Константина, заполняли сотни полок, уставленные тысячами книг разных эпох, столетий и миров. Он часто любил уединяться там, изучая тот или иной манускрипт с рецептами зелий, или тома с заклинаниями, способными помочь ему в многолетних поисках. Но в последнее время, всё это стало терять прежнюю привлекательность. Более того, начинало угнетать, и он всё чаще стал кидаться из крайности, в крайность, блуждать по параллельным мирам, полагаясь на удачу.

На дворе уже стояла глубокая ночь, когда Константин вернулся с очередной прогулки, скользнув из межмирья к порогу тайного обитания. Он прошелся по коридору, передал прислужнику плащ и шляпу, и напрямиком направился в библиотеку. Там уже горел камин, помогая освещать помещение несколькими зажжёнными восковыми свечам. Приятный золотистый свет, наполнявший комнату, уютное тепло очага немного расслабили взбудораженного мужчину. Он подошёл к тумбе, взял хрустальный графин, и, налив в стакан немного коньяка, одним глотком выпил. Янтарная жидкость обожгла горло, но при этом подействовала ещё более успокаивающее.

Плеснув ещё напитка, рецепт которого раздобыл в одном из параллельных миров, в стакан, князь направился к креслу у камина, и, усевшись поудобнее, принялся всматриваться в мерцающий огонь, изредка делая теперь небольшие глотки коньяка. Мысли, роившиеся в усталой голове, постепенно приходили в последовательный порядок, но сердце по-прежнему продолжало гулко биться о грудную клетку, лишь при малейшем воспоминании о событии сегодняшнего вечера.

Неужели он нашёл её? Нашёл после стольких лет безуспешных поисков? Князь не мог в это поверить. Ему нужно проверить безумную догадку. Нужно вернуться в Великий Новгород, чтобы снова встретиться с той босоногой девушкой, которая бежала ему на встречу.

Но он не может сделать это сейчас, нужно время, переходы слишком тяжелы... Необходимо крохотная доля време-

ни, и тогда он отыщет ее уже наверняка.

Дарина, лишь на мгновение задремавшая, неожиданно пробудилась, широко распахнула глаза, уставилась в темноту. Внезапно возникшее ощущение, словно некто проник ей в голову, и копошится там, неприятно шуршит, перебирает по таенные мысли, пытаюсь отыскать в них что-то подходящее, заставило поёжиться. Она лежала на самом верху соломенного стога, зарывшись большей частью тела в сухую траву, в попытке сохранить значительное тепло, но ей казалось, что вокруг камни, сковывающие движения, не дающие пошевелиться. В одно мгновение девушку охватила паника. Как выбраться из ловушки? Собрав волю в кулак, она дёрнулась, затем еще раз, и ещё, пока не ощутила спасительную легкость, наваждение отступило, разомкнув невидимые пути.

Стараясь не думать о неприятных ощущениях, Дарина сделала глубокий вдох, немного поёрзала успокаиваясь, закрыла глаза и попыталась заснуть. Но сон не приходил, мысли, словно стайка надоедливой мошкары, роилась в голове, будоражили старые воспоминания, пережитые времена не столь уж далекого детства. Вспоминалось пережитое, хорошее, плохое, воскресла в памяти и покойная мать Верея, которую Дарина любила больше всего на свете, которая жалела единственную дочь и часто защищала от брани и нападков пьяного отца.

Мать Дарины скончалась от лихорадки, едва дочери исполнилось девять лет. С тех пор жизнь малышки превратилась в сущий кошмар. Угрим Феофанович, и прежде не любивший ребёнка, отныне и вовсе стал относиться к девочке хуже, чем к бродячей дворняге. Отчего та всё больше силилась понять, почему раздражает отца, в чём причина рождающихся вспышек гнева и ярости, обрушивающихся на её несчастную голову. Но с течением времени, отказалась искать причины, стала принимать тиранию родителя как должное.

При жизни Верея часто бранилась с мужем, и Дарина оказывалась тому частым свидетелем. Неоднократно слыша в споре родителей своё имя, девочка догадывалась, что причиной ссор являлась именно она, но мать отрицала очевидный факт, если дочка спрашивала её об этом напрямую.

Однажды женщина, при очередной ссоре так кричала, доказывая мужу истинную правоту, что охрипла до немоты. В тот день Угрим пришёл домой поздним вечером, пьяным, едва держась на ногах. Он ввалился в дверь, схватил Верею левой рукой под локоть, правой отвесил пощёчину с такой силой, что у несчастной запрокинулась голова, при этом ни произнес, ни слова.

Перепуганная Верея разрыдалась, потом стала кричать, мол, ты что творишь, окаянный, какой леший тебе дорогу перешел. Угрим же, повернувшись к забившейся в угол Дарине, рявкнул:

– Пшла на двор, ни то убью!

Девочка шмыгнула из угла в дверь, но убегая, слышала отчетливо слова Угрима, так втиснувшиеся в память, что она не забудет их до самой последней минуты жизни.

– Нарожала тут всяких, – рычал муж Верея, – а я хочу нормально, по-людски, и получу, сейчас получу...

Позже подобное повторялось неоднократно, но женщина не беременела. Когда, в очередной раз, пьяным вернувшись домой, Угрим напал на жену, та не выдержала, и, кинувшись на улицу, побежала по дороге в неведомом направлении. Вечер стоял холодный, дождь лил как из ведра, но Верея домой не вернулась даже под утро. Проспавшись, мужик отправился на поиски затираненной жены, и нашел её всю вымокшую, замёрзшую на берегу реки Волхов. Женщина сидела на земле, прижав к груди, согнутые в коленях ноги, голову склонив, не шевелясь и практически не дыша. Угрим остановился в нескольких шагах от жены, не решаясь подойти ближе, сердце его сжалось от страха перед тем, что Верея уже мертва. Вот так села ночью на землю и застыла, тело задеревенело, не упало, и сидит ныне склонившись. Но женщина тяжело вздохнула, слегка дрогнула, что послужило причиной Угриму тут же броситься к ней, подхватить на руки, не чувствуя сопротивления. Ослабевшая, измотанная жена, просто не имела сил, чтобы дать отпор, и когда муж принёс её домой, положил на печную постель, она лишь взглянула на него, закрыла глаза и крепко заснула уже не чувствуя то-

го, как её раздели, обтёрли, и завернули в тёплое одеяло. Ночью у Вереи поднялся сильный жар, она стонала, ворочалась, иногда кричала. Маленькая Дарина подбегала к матери, хватала её за руки и, не переставая, плакала. Угрим, наблюдая за мрачной картиной, поднимался из-за стола, за которым сидел с кружкой браги, шагал к плачущему ребёнку, хватал за шиворот как котёнка, и оттаскивал на жесткую неприятно шуршащую «перину» со словами: «Хватит нюнить, спи!». Но девочка, полежав немного, снова бежала к матери, пока, в конце концов, окончательно забралась к ней на «постель», сложив голову на живот женщины, и заснув в изнеможении.

Когда малышка Дарина проснулась, на дворе зарождалась заря. Мать её лежала теперь неподвижно, тихо, белая кожа на лице напоминала первый выпавший снег. В один момент к девочке пришло страшное понимание чего-то непоправимого, жуткого, сердце гулко ухнуло, тело задрожало, на лбу выступил холодный пот, по спине пробежали неприятные мурашки. Она обвила глазами комнату, увидела дремлющего за столом отца, снова повернулась к матери и тихо позвала: «Мама!», но ответом послужила лишь тишина. Закричав в отчаянии, схватила ледяные руки матери, запричитала над ней, разбудив отца. Тот сорвался с места, подбежал ближе, замер на месте, осознав, что непоправимое все же случилось. Верея умерла от лихорадки в ту роковую ночь после непреднамеренного побега от издевательств мужа.

Когда женщину хоронили, Дарина стояла молча, слезы ис-

сякли, но чувство безнадежности и тоски по материнскому теплу продолжало преследовать ее и поныне.

Теперь, лежа под открытым звездным небом, перебирая мучительные воспоминания, она чувствовала себя по-прежнему одинокой, обделенной любовью, теплом, лаской, но слезы так и не появлялись на глазах.

Глава 3

Ночь пролетела мимолётно, несмотря на то, что Дарина заснула лишь под утро. Разбудил девушку лёгкий ветерок, нежно играющий с локонами, цвета созревших пшеничных колосьев. Она взглянула небесно-лазурными глазами в сторону села и сморщила носик, сознавая, что пришёл новый трудный день. Сначала необходимо как-то сладить с отцом, вернувшись домой, а уж остальное само собой сложится.

Потянувшись, шурша сухой травой, девушка выбралась из мягкого стога сена, и побрела в сторону села, задевая босыми ногами распустившиеся одуванчики. Утренняя прохлада приятно прикасалась к нежной девичьей коже, и постепенно, ставшая привычной тревога немного утихла. Но, вернувшись домой, отца она не застала, и то что Угрим в такую рань покинул дом не предвещало ничего хорошего. Невольный страх вновь охватил девушку, предчувствие надвигающейся беды неприятно защекотало нервы. В попытке заглушить тревожные мысли, она принялась за домашнюю работу, не замечая, как стремительно понеслось вперёд время.

Несколько часов спустя, выметя пол, натаскав с улицы дров, растопив печь, девушка, отодвинув заслонку, вынимала из печного устья приготовленную пшеничную кашу, приятный аромат истомившегося в жару блюда, соблазняя, по-

щекотал ноздри. Глубоко вдохнув аппетитный запах, девушка сглотнула набежавшую в рот слюну, но твердо решила не есть сама, дожидаться отца. Угрим обычно всегда приходил к обеду, где бы ни пропадал и как рано не уходил из дому. Но сегодня, когда солнце уже стояло в зените, его всё ещё не было. Дарина заволновалась, понимая, что с отцом могло случиться несчастье. Пусть он плохо к ней относится, бранит без повода, выгоняет на улицу на ночь глядя, это не причина, чтобы забыть то небольшое хорошее, что случалось ему делать для неё. Она по-своему всё же любила отца, в глубине души надеясь, что придёт время, и он осознает неправоту, станет добрее, ласковее, прекратит напиваться, и они заживут счастливо, как полагается родителю и ребёнку.

Когда солнце уже силилось скрыться за горизонтом, голод и тревога Дарины сравнялись с собой по силе. Она всё-таки решила съесть немного каши, и отправиться на поиски отца. Взяв деревянную ложку, зачерпнула горстку уже остывшей пшеничной массы, положила в рот и чуть не замурлыкала от небывалого удовольствия, взорвавшегося яркими эмоциями в оголодавшем теле. Голодный предел оказался настолько велик, что обычно просто вкусная каша, теперь казалась нектаром богов. Быстро прожевав, девушка отправила в рот ещё пару ложек каши, глянула в окно. На улице стремительно вечерело, стоило поторопиться. Оставив кашу на печном шестке, Дарина направилась к двери, и только протянула к ней руку, как та распахнулась, на пороге показался Угрим.

Увидев вернувшегося отца, девушка почувствовала необычайное облегчение, но тут же забеспокоилась, заметив за его спиной тёмный силуэт огромного незнакомца.

Отец вошел в комнату, мрачный мужчина последовал за ним. Сделав шаг в сторону, чтобы не скрываться за спиной Угрима, он остановился и пристально оглядел Дарину. Его холодный неприветливый взгляд смутил девушку, заставил поёжиться от неприязни, но глаз она всё же не отвела, стараясь лучше рассмотреть непрошенного гостя. Тот оказался высок, широкоплеч, но сильно сутулился, и часто переступал с ноги на ногу. Угловатые черты лица красивыми не назовёшь: изогнутый орлиный нос, тонкие жесткие губы, густые брови, между которыми отчетливо пролегал борозда, показывающая присущность сурового характера. Единственной красивой частью на лице чужака оказались глаза, крупные миндалевидной формы, с радужкой насыщенного каштанового цвета.

– Ну что, согласен? – спросил Угрим обращаясь к незнакомцу.

Мужчина медленно кивнул, при этом мрачный вид так и не сполз с его неприветливой физиономии.

– Тогда, – обратился Угрим к дочери, – тогда, Дарина, прошу любить и жаловать, это человек, чьей женой в скором времени ты станешь!

Девушка в ужасе распахнула глаза, не в полной мере соображая, что сейчас происходит.

– Звать его Гордей, – спокойно продолжал мужик, – он на минувшей неделе прибыл на службу в Великий Новгород, ему некогда искать себе жену, а без таковой, ясное дело, обходиться не может, поэтому мы сговорились, и он согласился взять в жены тебя!

– Прибыл на службу?! – словно в полудрёме пролепетала Дарина, всё ещё не веря в действительность происходящего.

– Да, Гордей прибыл на службу. Нынче в граде он станется палачом, – с противной гордостью сказал Угрим.

Но Дарину, последние слова, хлестнули подобно кнут с железным наконечником. Неужели она всё правильно поняла, и собственный отец собирается отдать её в жёны такому страшному человеку? Они вообще никогда не разговаривали о её замужестве, а теперь так внезапно стала невестой палача! Это пострашнее самого кошмарного сна. Это реально! Но не сложившаяся ситуация пугала девушку так сильно, страх внушал мужчина, стоявший сейчас перед ней, мужчина, нарекаемый ей в мужья, в столь красивых глазах которого таилось какое-то зло, заставлявшее холодеть сердце юной девушки.

– Батюшка, не понимаю... не могу... – запричитала Дарина, очнувшись от неприятного гипнотического состояния.

– Чаво ты там не можешь? – раздражённо взревел Угрим.

– Не могу пойти за этого человека, – ели слышно закончила та.

– Это ещё почему? – закричал отец, брови угрожающе со-

шлись на переносице. – Ты мне перечить не вздумай, а то погляжу, на шее то у меня сидеть нравится! Замуж выйдешь, авось тебя муж уму да разуму научит! Иди, собирай пожитки, проваливай!

– Куда? – непонимающе вскрикнула девушка, в недоумении широко распахнув глаза.

– Как куда, к Гордею, забирает он тебя сейчас!

– Это как же... на ночь глядя... – застонала Дарина. – Молва недобрая пойдёт коли увидят одну ночью с мужиком чужим.

– А тебе-то какое дело? Это ж муж твой! – хмыкнул Угрим.

– Не муж ещё! – последовала очередная слабая попытка возразить.

– Ну ничего, жених значит! А не сегодня, так завтра уже и муж! Иди, говорю, пожитки собирай, это моё последнее слово!

– Батюшка, я же... – Дарина задохнулась, в горле забилась ком, на глаза набежали горькие слезы, и двумя влажными горячими дорожками побежали по щекам.

– Нечего мне тут мокрое дело разводить, – заворчал Угрим, но голос всё же немного смягчился, – иди, собирайся, Даринка, перед человеком неудобно, вам уж ехать пора.

Но дочь не шевелилась, вперив в отца умоляющие глаза, и чтобы сердце не дрогнуло в сомнении, тот поспешно рявкнул:

– Ступай же!

Плечи девушки поникли, она медленно развернулась и пошла собирать то, что можно назвать ее скудным приданым, а через несколько мгновений вернулась обратно с небольшим узелком в руках.

– Вы будете жить с Гордеем в Великом Новгороде, прямо за стенами, поэтому ты радоваться должна, а не нюни пускать, – пробубнил родитель, нахмутив брови.

Дарина ничего на это не ответила, только подняла полные хрустальной влаги очи, уставилась невидящим взором, мольба в котором ныне погасла. Угрим сделал вид, словно не замечает страданий дочери.

– Ну, ступайте, – проговорил он, – да в церковь идти не тяните, обвенчайтесь поскорее.

– Батюшка, а ты придёшь? – тихо спросила несчастная дочь.

– Не знаю, скажете, когда венчаться будете, может и пожалуйю.

Обхватив невеликий узелок обеими руками, и опустив голову ниже плеч, чтобы хоть как-то скрыть нескончаемый поток слёз, Дарина побрела к выходу, Гордей через мгновение последовал за ней, Угрим же не сдвинулся с места.

На дворе, недалеко от дома стояла двухколёсная телега, запряжённая старой кобылой. Остановившись перед повозкой, девушка печально на неё взглянула, не желая уезжать из отчего дома, но и не имея возможности остаться, нарушив

волю родителя. Гордей увидел колебания случайной невесты, поравнялся с ней, молча указал рукой, чтобы та взобралась на телегу, устроилась поудобнее. Ничего не оставалось, как повиноваться, и это беспрекословное повиновение пришлось будущему палачу по вкусу. Сухо улыбнувшись, он зашагал обратно к дому, переговорил с Угримом и в скором времени старая кобыла уже переставляла усталые ноги, глухо стуча неподкованными копытами по накатанной дороге, таща за собой, по направлению к граду, двухколёсную повозку с пассажирами.

Погрузившись в печальные размышления, Дарина могла поклясться, что, забравшись в телегу, прислушавшись, она уловила сквозь неразборчивый разговор двух мужчин звон монет, но поверить в то, что палач мог заплатить Угриму за неё, словно за вещь на базаре, заплатить отцу за согласие отдать дочь чужаку в жёны, отказывалась. Девушка мысленно сослалась на большое, растревоженное воображение, сыгравшее с ней злую шутку.

– Почему не простилась с отцом? – грубый, сухой голос прервал её раздумья.

– Чего? – переспросила Дарина, пытаясь понять, послышалось ли ей, либо Гордей действительно задал вопрос.

– Я говорю, почему ты с отцом не простилась? Не захотела? Вышла молча, села, да поехала со мной, – теперь голос палача звучал громче.

– Как-то само собой так вышло, – промямлила девушка,

каждое слово сейчас давалось с большим трудом, но жених не унимался.

– Ничего, понятное дело, растерялась, – проговорил он, немного помолчал и продолжил, резко сменив тему разговора, – Венчаться мы с тобой не сразу будем.

– Не сразу? – встрепелась спутница, ей вовсе не хотелось венчаться с незнакомцем, но перспектива оказаться опозоренной пугала сильнее.

– Нельзя пока, я совсем недавно в град прибыл, дел много, работы до меня накопилось, надобно порядок соблюдать.

Какой это работы? Он же палач! Хаотичные мысли завертелись в голове у Дарины. И как только полный смысл дошёл до неё, ужас холодной волной прокатил по позвоночнику. Да именно, он же палач, его работа казнить людей, отнимать жизни, убивать. Что же батюшка натворил, кому отдал дочь родную? За какие грехи то?

– Но, если венчаться будем не скоро, зачем же меня из дому сейчас забирать надобно было? – не удержавшись, спросила Дарина.

– На то воля отца твоего, он предложил, я согласие дал, – последовал мрачный ответ.

Сердце девушки ухнуло куда-то вниз, в голове зашумело с удвоенной силой, глаза заволокло туманом, навернулись новые жгучие слёзы. Выходит, что родной отец просто отдал её, как надоевшую собачонку, отдал в первые попавшиеся руки, незнакомому человеку. Палачу! В подобное не хотелось ве-

рять, но факты говорили сами за себя.

Видя, что девушка вся скукожилась, побледнела и вот-вот рухнет без чувств, Гордей нахмурился.

– Да не бойся, не обижу. Ишь как побелела! Да на отца не серчай, коли дело сделано, знать по судьбе так назначено.

Дарина не нашлась что ответить, продолжая молча сидеть, глотать солёные слёзы, не переставая котившиеся по щекам.

Когда они подкатили к граду, ворота ещё оставались открытыми. Проехав через величественную арку, прокатив по частично опустевшим улицам, им без труда удалось добраться до жилища палача. Остановившись перед странного вида хатёнкой, Гордей жестом показал Дарине, чтобы та выбиралась из телеги. Девушка повиновалась, подошла ко входу, но остановилась, уставившись в закрытую дверь невидящим взором. Даже когда Гордей открыл пред ней дверь, она не шелохнулась.

– Ну, чего же ты, заходи.

В голосе мужчины послышалась едва уловимая жесткость, заставившая Дарину сделать шаг вперёд, но при этом дальше девушка не пошла, и снова остановилась.

Недолго думая, Гордей схватил невесту под локоть и буквально втащил внутрь своего скромного жилища.

– Хватит уже ломаться, – голос мужчины был спокоен, но твёрд, дружелюбия поубавилось.

Дарина сжалась от холода, повеявшего неоткуда.

– Вон, видишь койку? – продолжил Гордей, кивком ука-

зав на деревянный лежак, стоявший возле стены, – ложись сегодня туда, да не бойся, не трону тебя. А пока будешь тут обустраиваться, пойду займусь телегой да лошадью.

С этими словами Гордей действительно развернулся, пошел к выходу, и уже через мгновение Дарина осталась в комнате одна, наедине со своими мыслями.

Вернувшись, Гордей обнаружил Дарину на койке, которую указал ей. Она лежала одетая, свернувшись калачиком, лицом к стене.

– Спишь? – тихо, но разборчиво спросил мужик, и когда ответа не последовало, хмыкнув, проследовал в прилегающую соседнюю комнату, где стояла большая дубовая кровать. Через несколько минут он уже крепко спал.

Дарина же напротив, как ни старалась, уснуть не могла. Сердце девичье щемило, душа стонала. Она размышляла над поступком родного отца, над поспешностью и непреклонностью решения, круто меняющего уклад её привычной жизни. Разумеется, медовыми дни прошлого не назовёшь, но стать женой палача, человека, являющегося со смертью, казалось более чудовищной участью. Впрочем, ничего иного не остаётся, она совершенно беспомощна в сложившейся ситуации. Естественно, можно предпринять попытки к бегству, но идти не куда, да и не к кому, негде искать помощи, из родительской только отец, отославший её подальше от себя. Оставалось только смириться, отдавшись воле судьбы, в конце концов она совершенно не знает Гордея, возможно, не смотря

на профессию, мрачный вид и угрюмость, он не плохой человек.

Посеяв долгими безмолвными уговорами в душе семя надежды, невеста палача тяжело вздохнула, перевернулась на другой бок, и погрузилась в беспокойный, но спасительный сон.

Глава 4

Солнце высоко повисло в небесах, стараясь нагреть холодную влажную землю, поросшую сочной молодой травкой, а Дарина по-прежнему суетилась по кухне, с раннего утра занимаясь домашними делами. Минула целая неделя с тех пор, как палач назвал её своей невестой, привёл в дом, дав возможность спокойно обжиться, и за это время девушка должна была свыкнуться с новым положением, но она по-прежнему чувствовала себя неуютно, несмотря на то, что Гордей почти не находился дома.

Поставив на деревянный стол свежеприготовленную кашу, Дарина взглянула на дверной проём, ведущий в соседнюю комнату. Надо успеть подмести там. Слишком большого труда это не составит, комната невелика, впрочем, как и всё жилище мужика. Но всё же в сравнении с отцовской хатенкой, этот казался довольно просторным.

Жилище Гордея представляло собой основную комнату с выходами в хозяйскую спальню и на кухню. В ней располагалось небольшое количество убранных: койка, служившая постелью Дарине, да огромный деревянный резной сундук. Покои Гордея представляли собой более воодушевляющее зрелище. В середине располагалась массивная дубовая кровать с пуховой периной, накрытая сатиновым покрывалом, подле неё лежал половик, выцветший, с краями слегка об-

трёпанными, но без дыр и плесневелых пятен. Возле стен расставлены сундуки, наполненные хозяйским скарбом, деревянный столик разместился неподалёку, на нем, в небольшом железном подсвечнике покоился огарок свечи. Некоторые из вещей выглядели неподходяще большими для помещения скромного размера, но мужик редко разговаривал, что оставляло его прошлое в тайне, и выяснить откуда тот или иной предмет, да и сам откуда пришёл, не представлялось возможности.

Большую часть своего времени Дарина проводила на кухне, обустроенной дубовым столом, скамьями и печью, от которой в зимние деньки обещало растекаться во все углы приятное тепло.

Взяв веник, девушка прошла в основную комнату, руки принялись за работу, а мысли побежали прочь, рисуя разнообразные картинки перед невидящими реальность глазами. Страхи её немного поутихли, но досада и непонимание никак не хотели покидать наивное доброе сердечко. Возможно, зря себя растревоживает, ведь пока Гордей относился к ней хорошо, а точнее, вообще никак не относился. Он не бранился, как отец, не кричал, не тиранил, мало разговаривал, приказы не отдавал. Молчал он и о дне венчания, но Дарину устраивал подобный расклад вещей, потому как, покуда не венчаны, то и ложе супружеское делить не пристало. Но всё же Дарину что-то постоянно тревожило, иногда сердце начинало само по себе бешено колотиться, слёзы набегали на

глаза, печаль наваливалась тяжёлым камнем на грудь так, что дышать становилось невозможно. В такие моменты приходилось заставляя себя глубоко вдохнуть безжизненный воздух, смахнуть солёных предательниц с влажных ресниц, и принимать за работу, стараясь пустить мысли в иное русло. Тоска отступала и в моменты, когда вспоминалось о скорой необходимости трудиться на засевах полей, где требовалась помощь, в которой девушка никогда не отказывала. Конечно, несколько последних деньков моросил мелкий весенний дождик, из-за чего посевная могла затянуться, но этот факт огорчал менее всего. Дарина отчаянно старалась верить в хорошее, приободриться, отгоняя неприятные жальщие доводы разума, не подозревая, что старания напрасны.

Гордей вернулся, когда солнце наполовину закатилось за горизонт, роняя на вымокшую от дождя землю, последние лучи уходящего дня. Он бесшумно отворил входную дверь, прошёл в комнату, навис над дремавшей на койке Дариной. Та непроизвольно напряглась, инстинктивно ощутив присутствие мужика, и опасность, исходившую от него, но повернуться, встретиться лицом к лицу, не рискнула, неосознанный страх сковал движения.

– Спишь? – тихо позвал палач.

Вопрос прозвучал безобидно, глупо, но Дарина непроизвольно вздрогнула при звуке голоса будущего мужа, сжалась, по спине побежали неприятные мурашки.

– Повернись, – шёпот превратился в низкий хрипловатый

рык, – повернись, взгляни на меня.

Девушка попыталась шевельнуться, но тело отказывалось слушаться, казалось вместо крови в жилах растекается плавленный свинец, наполняющий тяжестью, бросающий в жар, заставляющий сильнее ощутить надвигающуюся беду. Стараясь справиться с наваждением, она собрала остатки воли в кулак, отвернулась от стены, села, опустив глаза в пол.

– Погляди на меня, Дарина, – не унимался Гордей, в голосе послышались нотки раздражения.

Ничего не оставалось, лишь повиноваться, но, когда девушка подняла глаза, то ужаснулась. Мужик, огромной, непреодолимой скалой нависал над ней, зрачки расширены, взгляд горит безумным, адским огнём, губы искривила злобная усмешка. Несчастливая невеста невольно охнула, внимание привлекли руки палача, до самых локтей испачканные свежей кровью. Представленное зрелище заставило сердце гулко удариться о грудную клетку и остановиться, отдавшись на короткое мгновение во власть объятий смерти. Но лишь биение возобновилось, ритм оказался столь быстрым, что оно едва не разломало тонкие рёбра, стремясь вырваться на волю.

Не переставая изображать подобие улыбки, Гордей потянулся к Дарине, схватил под локоть и рванул на себя. В это мгновение девушка поняла, ее будущий муж безумен! Придя в отчаяние, попыталась высвободиться, упершись ладонями ему в грудь, но хватка невероятной силы пресекла старания

так, что её попытки оказались сравнимы с трепетанием бабочки зажатой в могучий кулак.

– Нет! – громко выкрикнула она, почти оглохнув от собственного вопля, но палач не отпустил, наоборот, лишь крепче прижал к себе, распаяясь.

Нарастающий страх окончательно завладел сознанием девушки, она знала, кожей ощущала, что сейчас случится беда, непоправимое, то от чего нужно спастись любой ценой. Вырвавшись из власти оцепенения, она стала брыкаться, извиваться, царапаться, кусаться, словно пойманный в силки зверёк. Но безнадёжные трепыхания лишь раззадорили Гордея, и, подхватив неистово сопротивляющуюся бунтарку на руки, словно паук, пресекая движения жертвы, потащил в спальню на большую постель.

– Уймись, Даринка, – захрипел он, – чего противишься? Мне после казни утишиться надобно! Приласкай меня!

С этими словами, палач швырнул несчастную на неизменяемое ложе, и рухнул сверху, навалившись на неё всей тяжестью тела, подминая под себя.

Крик готов был сорваться с уст Дарины, но мужик зажал нежные уста ладонью, а другой рукой принялся задирать подол сарафана. Неуклюжее действие не заняло много времени, и через мгновение, сопротивления девушки оказались бесполезны. Раздвинув коленом ноги невесты, приспустив штаны, и устроившись поудобнее, Гордей с силой вошёл в нежную плоть жертвы, продолжавшую трепыхаться, стара-

ьясь высвободиться. Та закричала от резкой, нестерпимой боли, но рука насильника, прижатая к девичьи губам, заглушила неистовый вопль. Палач словно не замечал, какие страдания причиняет несчастной, и продолжал двигаться, раскачиваясь, кряхтя, с шумом выгоняя воздух из лёгких, тем самым, усиливая страдания девушки. Его действия казались Дарине ужасной, непрекращающейся пыткой.

Утратив последние капли терпения, она завывала, словно раненое животное, слёзы неудержимыми потоками хлынули из глаз. В это же мгновение из горла мужика вырвался блаженный стон, тело его затряслось, выгнулось и обмякло. Он, глубоко вздохнув, скатился с невесты, лёг рядом на спину. Дарина, сломленная, обессиленная лежала неподвижно. Желание сорваться с места, убежать, если не из дома, то хотя бы из комнаты Гордея, kloкотало в груди, но потрясение парализовало движения, сковав юное тело так, что с трудом удавалось даже моргать.

Немного полежав, Гордей поднялся на ноги, и взглянул на содеянное. Дарина так и лежала на его постели неподвижно, словно утратившее все жизненные силы тело. Её задранные юбки и внутренняя часть бёдер испачканы девственной кровью, чуть повыше коленей на коже красуются тёмно-фиолетовый синяки с алой каёмкой и несколько царапин. Застывшая гримаса боли и страдания на её лице омыта горькими слезами, руки раскинуты в разные стороны, грудь едва вздымается, пытаясь втянуть немного воздуха в лёгкие. Молча

глядя на отвратительную картину, учинённую собственными руками, Гордей нахмурился, круто развернулся, желая скорее покинуть комнату.

Стук закрывающейся входной двери вывел Дарину из оцепенения и, понемногу приходя в себя, девушка медленно приподнялась, села. Долго оставаться в таком положении не позволила неприятная саднящая боль, пульсирующая в лоне, поэтому она встала и прошлась по комнате. Столь же медленно добрела до своего лежачка, прилегла, и провалилась в крепкий спасительный сон.

Проснулась невеста палача далеко за полночь, в доме царили мрак и тишина, Гордей всё ещё не вернулся, измятая перина на дубовой кровати пустовала. Неприятные ощущения, обгоняя мерзкие воспоминания, стали подниматься откуда-то из глубины души, перерастая в отвращение к безжалостному насильнику, и, к самой себе. Снова беззвучно заплавав, девушка поднялась с лежанки. Беспорядочные мысли завертелись в притупленном от случившегося сознании. Ужасающая сцена растления стояла перед глазами. А ведь Гордей был трезв! Если, конечно, это можно так назвать. В его глазах искрилось безумие, столь часто узнаваемое у Угрима, когда тот в стельку пьяный заваливался домой. Но от Гордея запаха браги не исходило. Хотя это уже не имело абсолютно никакого значения, ничто не имело значения кроме боли и горечи, которые могла успокоить только забвение. Она и так слишком долго боролась за бессмысленное

существование, слишком много терпела, начиная от смерти матери, брани и издевательств отца. Достаточно! Больше нет смысла тащить слишком тяжёлый, неподъёмный крест, нет смысла испытывать страдания! Её никому спасти, никому она не нужна, даже собственному отцу.

Несчастливая Дарина осознала, что, если сейчас не решится на опрометчивый, но спасительный шаг, Гордей будет постоянно насиловать её. А уж когда она станет его законной женой... Законной женой убийцы! От этой мысли девушку передёрнуло, тошнота подступила к горлу. Внезапный грохот на улице привлёк её внимание, заставил резко вскочить на ноги, рвануться к двери, надеясь, что этот шум исходил не от вернувшегося палача. Но если и он, то ей удастся выскочить из жилища незамеченной.

Протянув дрожащую руку к ручке входной двери, юная особа помедлила несколько мгновений, затем с силой дёрнула на себя, и, не разбирая дороги, со всех ног бросилась бежать по улице. Преодолев довольно большое расстояние, девушка остановилась, чтобы немного отдышаться и убедиться в отсутствии преследователей. Улица казалась совершенно пустынной, поэтому, как только дыхание немного успокоилось, она снова продолжила путь быстрым шагом. Шла Дарина в сторону реки Волхов. Лунный свет гладким полотном ложился на дорогу, тем самым хорошо освещая её. Но невесте палача все же мешали видеть не просыхающие слёзы, нескончаемыми потоками текущие по щекам. С каждым

мгновением шаги её становились меньше, движения медленнее, чудилось, будто она засыпала на ходу. Но девушка твёрдо брела к зловещей цели, намереваясь учинить саморасправу.

Остановившись перед тихой гладью воды, изредка колышущейся, покрывающейся мелкой рябью, нагоняемой лёгким ветром, Дарина спокойно посмотрела на реку, будущее пристанище. И как только решилась сделать первый шаг, чтобы навсегда войти в холодную тёмную воду, услышала приближающийся топот копыт. Волна страха ледяным ознобом прокатилась по позвоночнику, и, не осознавая, что делает, она вдруг рванулась в противоположную от реки сторону.

Топот слышался всё ближе, но силы быстро покидали девушку, поэтому бежать, увеличивая скорость, она не могла, а делать шаги шире не удавалось, помехи чинил узкий подол сарафана. Со стороны, должно быть, она могла выглядеть неуклюже, но, как ни странно, в жемчужном свете луны, Дарина больше походила на русалку из повествуемых дедами русских сказок. Длинная коса расплелась, разметавшись вдоль грациозной спины золотыми волнистыми локонами. С каждым рывком, они колыхались, подобно морским волнам в ненастную погоду. Босые маленькие ножки виднелись из-под приподнятой юбки сарафана, а руки так крепко сжимали подол, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

Набравшись храбрости, Дарина обернулась, чтобы воочию увидеть преследователя, и тут же охнула от изумления.

Рассекая воздух, нагоняя её, на могучем вороном жеребце мчался незнакомец, позади которого развивался плащ, а на голове покоилась широкополая шляпа. На мгновение невеста палача словно узнала этот странный образ. Но не успела опомниться, как мужчина поравнялся с ней, перегнулся через коня, и, схватив за узкую талию, усадил рядом с собой, заставив невольно ощутить жар сильного могучего тела. В то же мгновение яркая вспышка осветила лицо Дарины, она крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, поразилась увиденному. Перед её взором простиралась странная улица, освещённая необычным золотым светом огненных шаров на длинных палках. Словно маленькие солнца, они излучают тёплый, приятный свет. Вдоль улицы располагаются небывалые постройки, величественные и прекрасны, в сравнение не идут даже царские палаты Великого Новгорода. Выстлана уличная дорога красивыми плоскими камнями, от которых цокающий звук подкованных копыт слышится звонко, ровно и отчётливо. Именно ритмичный цокот вывел Дарину из оцепенения. Осознав, что она в плену у незнакомца, плотно прижата к его могучей груди, девушка стала отчаянно брыкаться, изгибаться, стараясь вырваться из цепких лап похитителя. Безумное желание завопить во всю мощь маленького горлышка, перебивал страх привлечь ещё больше ненужного внимания, этого она не могла себе позволить. Чувствуя, что силы на исходе, юная особа сделала последний отчаянный рывок, сумев выскользнуть, спрыгнуть с лошади. Ошу-

тив призрачную свободу, она рванулась вперёд, не разбирая пути перед глазами.

В свете зажженных фонарей, в просторной одежде, свободного покроя, убегающая Дарина казалась Константину прекрасным неземным созданием. Босые ножки шлёпали по каменной мостовой, отдаляя девушку от него, но Тёмный Князь лишь улыбался, наблюдая за столь забавной картиной. Теперь он абсолютно точно знал, что прелестница нынче в его полной власти, на его территории, и бежать ей некуда.

Пришпорив коня, мужчина подался вперёд, обогнал беглянку, повернул всхрапнувшего жеребца к ней мордой. Резко потянул назад поводья, заставив вороного стать на дыбы. Конь неистово заржал, исполняя приказ хозяина, отчего Дарина испугалась сильнее, попятилась назад и, потеряв равновесие, плюхнулась на землю, в мыслях проклиная собственную неуклюжесть.

Торопливо спешившись, незнакомец стремительным шагом направился к перепуганной девушке, осторожно протянул ей руку, предлагая помощь. Но та колебалась, искоса поглядывая на похитителя.

– Не стоит меня бояться, – тихо произнёс Константин, продолжая стоять, протягивая руку помощи.

Похищенная беглянка шире распахнула глаза, с недоверием взирая на чужака. Сперва хватает её, увозит в неизвестном направлении, а после спокойно предлагает отбросить страхи, вот так просто.

– Ты кто? Чего надбно? – рассеянно выпалила она, не принимая руки, стараясь отползти подальше.

– Я лишь желаю помочь, – последовал короткий ответ.

– Обжимая меня? Али затоптать норовясь? – вспыхнувший гнев затмил чувство страха, но сердце не утратило бешеного ритма.

– Прошу, выслушайте, – доверительным тоном произнёс Константин, желая успокоить девушку, давая возможность прийти в себя, – необходимо уйти с улицы, лишнее внимание привлекать совершенно ни к чему, я всё объясню, как только мы окажемся в более подходящем месте.

– Уйти? Куда? Чего решил сделать со мной? – запищала та, срывающимся голосом.

Ощущение тревоги вернулось, заставив Дарину инстинктивно возобновить неуклюжее сование ногами, стараясь вновь усиленно пятиться. Во взгляде прослеживалась откровенная паника, рот слегка приоткрыт, дыхание учащенное, вывод напрашивался лишь один – несчастная до смерти перепугана.

– Прошу меня простить, – тяжело вздохнул Константин, наблюдая нешуточное состояние юной особы, – но другого выбора не осталось.

Сделав внушительный шаг вперёд, мгновенно сократив расстояние с девушкой, он провел рукой по воздуху перед её глазами, прошептал:

– Спи.

В то же мгновение Дарина ощутила небывалую лёгкость во всём теле, веки отяжелели, словно налитые свинцом, густые ресницы опустились на побледневшие щёки, и она, медленно улёгшись на каменную мостовую, погрузилась в глубокий безмятежный сон. Тёмный Князь склонился над обмякшим телом девушки, взял на руки, крепко прижал к твёрдой мускулистой груди, и зашагал в направлении Замка Теней, казавшегося на горизонте огромной великолепной скульптурой. Верный конь Фрагор покорно последовал за хозяином, покачивая головой, изредка потряхивая густой чёрной гривой и похрапывая от предвкушения пожевать сладкого овса. Константин не оглядывался на жеребца, уверенный в преданности старого друга, он не мог оторвать взгляда от нежного милovidного лица юной особы, чувствуя, как сердце предательски сладко ускоряет ритм. Не следует терять голову, не сейчас, особенно от того, что дева оказалась столь неожиданно прелестной. Первым делом необходимо обезопасить её, и Амбра Каструм наилучшее для этого место.

За все годы жизни, Дарина не смогла бы вспомнить ни единого момента, когда спала так крепко, как сейчас. Тело расслаблено, дыхание ровное, сон необыкновенно сладок, что и не скажешь, будто она уснула не по собственной воле, а благодаря колдовским знаниям похитителя. Девушка нежно улыбалась во сне, рассматривая яркие картинки, навеянные воображением собственного разума. Те казались совер-

шенно реальными, события словно происходили не в мире грёз, но на самом деле. В стране фантазий Дарина шла по залитому тёплыми солнечными лучами лугу, ноги её утопали в мягкой зелени сочной травы. От движения, проделанного вперед, из-под босых ступней, выныривали, покидая травяные кустики, служившие незначительным укрытием, и взлетали, беспорядочно паря в чистом воздухе, десятки разноцветных бабочек. Прелестные трепещущие в полёте сознания, не отлетали далеко от нарушительницы покоя, продолжая грациозно метаться подле неё. Позади, на следах неведомой гостьи, стоило ей оторвать ногу от земли, за короткое мгновение, вырастали и тут же распускались дивные цветы, начиная пестреть буйными завораживающими красками. Озираясь по сторонам, куда бы ни падал взгляд девушки, она натыкалась на высокие сказочно красивые деревья, стоявшие в цвету. Хрупкие лепестки крупных бледно-розовых бутонов, отрываясь от пушистых желтовато-золотистых серединок, опали в огромных количествах, кружа в воздухе, а на их местах чрез пару секунд возникали новые цветы. Шустрые бабочки подлетали к падающим лепесткам, принимая их за новоявленных мотыльков, кружили рядом, старательно подражая изысканному плавному падению. Но стоило лепесткам окончить полёт, замерев, коснувшись земли, как трепещущие тонкими бархатистыми крылышками прожатые, тут же снова взмывали ввысь.

Дарина упивалась безупречной красотой развернувшейся

перед глазами картины, до тех пор, пока её внимание не привлекло лёгкое движение между волшебными деревьями. Она прищурилась, постаравшись лучше разглядеть предмет, возбуждавший в ней интерес, и тут же охнула, широко распахнув глаза. Из самой гущи ниспадающих бледно-розовых лепестков, двигаясь на встречу, шла её покойная мать Верея.

– Матушка, – чуть слышно прошептала Дарина, дёрнулась, подалась вперёд.

Но попытка сдвинуться с места оказалась тщетной. Такие же цветы, что распускались на оставленных ею следах, проскользнули под нагими ступнями, молниеносно вытянулись вдоль голеней, плотно обвили их, не давая возможности оторвать ноги от земли.

– Матушка! – отчаянный вопль полетел над лугом.

Женщина услышала крик дочери, нахмурилась, прибавила шаг. По мере приближения, надетая на покойницу сорочка неожиданно стала темнеть, приобретая багряный, кровавый оттенок. Казалось, этот факт поторапливал Верею, старавшуюся поскорее добраться до запутавшейся девушки. Но стоило, наконец, выбраться из чащи заколдованных деревьев, выступив на открытый участок поляны, как, внезапно, словно из неоткуда, между ней и Дариной возникли два огромных разъярённых зверя. Волк и медведь.

Чёрно-серый окрас густой волчьей шерсти напоминал клоч ночного неба, усыпанного тысячами серебряных звёзд, выхваченного мощными челюстями гиганта, вскинутого на

спину, подобно одеялу. Чудовищные белые клыки торчали из скалившейся пасти. Выразительные синие глаза сверкали не добрым ледяным огнём. Размером хищник походил на добротного взрослого вола, коими привычно пахать поле, но оставался при этом гибким и грациозным. Он устрашающе глядел на великана-медведя, всем сосредоточенным видом показывая неприязнь к животному-противнику. Тот заметно отвечал взаимной враждебностью. В завидной степени превышая волка по величине, медведь подергивался, кичась напускной свирепостью, которой всё же не удавалось оторвать внимания от его плачевного вида. Истрёпанная шкура бурого цвета походила на дырявое полотно. В местах, где выдраны солидные клочья шерсти, виднелись розовые участки огрубевшей шелушащейся кожи. Широко раскрывая пасть, в попытке издать воинственный рёв, он оскаливал пожелтевшие, слегка стёршиеся, но всё ещё остававшиеся острыми зубы. Глаза медведя, устремлённые на врага, казались поблекшими, невидящими, отрешёнными. Складывалось впечатление, что если и стоило кого-либо опасаться в данный момент, то скорее переполненного жизненной силой волка, нежели усталого, шатающегося от слабости медведя. Но торопиться с выводами не стоило.

Став на две задние лапы, медведь шире разинул пасть, издал дикий хрипящий рев, продолжая наблюдать за действиями серого противника. Но, так и не дождавшись атаки врага, резко развернулся в сторону Дарины, судорожно дёрнулся

и, со всех ног, рванулся вперёд. Девушка закричала в испуге, инстинктивно сознавая надвигающуюся опасность, упала на землю, стала рвать цветы, опутавшие её ступни. Но чем яростнее рвала стебли, чем больше выдирала корней, тем крепче и толще становились путы.

Промежуточное расстояние между ней и зверем стремительно сокращалось, бурому чудовищу оставалось не больше пары внушительных прыжков, поэтому девушка приготовилась к неизбежному, замерла, не в силах отвести взгляда от неминуемой смерти. Развязка, казалось, подошла к кульминации, как вдруг, бегущий по пятам противника волк, за долю секунды до нападения гигантского зверя на беззащитную девушку, прыгнул на врага и вцепился ему в глотку мёртвой хваткой. Медведь издал душераздирающий вопль, резко выпрямился, извернулся и, схватив волка мощными когтистыми лапами, с бешеной яростью бросил на землю. Неприятный ухнувший звук от сильного удара тела о твердыню почвы долетел до ушей Дарины, но сам волк не издал даже лёгкого стога. Молниеносно вскочив на стойкие пружинящие лапы, зверь снова бросился в атаку. Завязалась серьёзная беспощадная дикая борьба, за которой девушка наблюдала с ужасом и благоговением. Она не понимала, почему чёрно-серый хищник вступился за неё, бросившись на противника, в несколько раз превосходившего его по размерам, но юное сердечко трепетало от благодарности за помощь.

Битва продолжалась, и медведь, казавшийся слабым и

усталым, принялся набирать обороты. Выпады, броски, удары лап становились мощнее, увереннее, вредоноснее. Волк выбивался из сил, сменяя атакующие маневры на защитные. Дарина видела, ухудшающееся положение зверя, и когда бурый враг, исхитрившись, дёрнулся, прыгнул на чёрно-серого противника, впившись клыками в изогнувшуюся спину вблизи от позвоночника, девушка неистово закричала. Звенящее эхо разлетелось во все стороны, невольно принудив медведя оторваться от извивающейся в болевых конвульсиях цели. Подняв окровавленную морду, он взглянул на вопившее существо пустыми мрачными глазами, где плескалась черная бездна. Дарина ощутила ледяной озноб, пробежавший по телу от макушки до кончиков пальцев на ногах, но не успела опомниться, как холодные, мертвенно бледные руки обхватили ее плечи, потащили назад. Цветочные пути мгновенно завяли, ослабив хватку, и девушка сделала попытку высвободиться из неприятных объятий, но нежный женский голос остановил слабые попытки, коснувшись её слуха. Девушка узнала теплые, успокаивающий нотки, узнала голос Вереи.

Мать неведомым образом оказалась позади напуганной дочери, усердно таща дитя в неизвестном направлении, сильнее впиваясь костлявыми пальцами в нежную кожу. Казалось, присутствие женщины, её тихий шепот должны успокаивающе подействовать на Дарину, но растущее внутри беспокойство, наоборот, усиливало обороты, перерождаясь в

неподдельную панику.

В конце концов ледяные руки матери возымели действие, и девушка, поёжившись, отдалась власти Вереи, ощущая, как жизненные силы покидают её. Тревога по-прежнему трепетала в глубинах разума, но тело окончательно расслабилось, мир поплыл перед глазами, сознание провалилось в бездну, растворяясь в хаосе разливающегося в пространстве мрака. Дарина падала во тьму, невольно запоминая последнюю сцену схватки двух разъярённых хищников, медведя и волка.

– Нет! – внезапный крик вырвал Дарину из черноты, заставляя широко распахнуть глаза, быстро оглядеться.

Она лежала на постели, располагавшейся в странном чужом помещении, полном незнакомых красивых предметов, силуэты которых виднелись благодаря бледному сиянию луны, роняющей мерцающей свет на убранства комнаты, сквозь огромные арочные окна.

Словно опомнившись, вострепнувшись, юная особа приподнялась на локтях, тихо позвала:

– Матушка!

Робкий призыв прошелестел по комнате, но результатов не дал, ответом послужила тишина. Девушка снова огляделась по сторонам, убеждаясь, что в помещении абсолютно пусто. Значит крик, от которого пробудилась, мог принадлежать лишь ей самой.

Что же происходит? Что это за место? Пугающее виде-

ние, казавшееся совершенно реалистичным, в итоге оказалось сном? Возможно эти дивные палаты тоже часть сна!

Тревога нарастала, мысли лихорадочно вертелись в голове, сердце отбивало нешуточный ритм, и Дарина, желая отвлечься, попыталась встать с постели. Необыкновенно мягкое воздушное ложе, усланное нежной, ароматной тканью, проминалось под девушкой, усложняя движения, но заставляло восхищаться помимо воли.

Медленно осторожно сползши на пол, она приблизилась к большому арочному окну, повернулась спиной к лунному свету, изучающе оглядела спальню. Глаза быстро привыкали к темноте, поэтому бледно-желтого свечения оказалось достаточно, чтобы предметы и убранства помещения виделись отчётливее. Огромная комната постепенно раскрывала секреты под пытливым девичьим взглядом. В середине располагалась кровать гигантского размера с подвешенным на узорчатых деревянных столбах балдахин, такой маленькой тряпичной крышей для ложа, как подумалось Дарине. Сшит балдахин из изящных кружевных тканей, нежного персикового цвета, и ниспадает сверху до самого пола бархатистым воздушным облаком с квадратными просветами, дающими возможность не запутаться в пышных занавесах, взбираясь на постель или покидая её. Окна зашторены похожими тканями, собранными по бокам шелковыми лентами, прикрепленными к стенам, что не мешает им пениться и вздыматься от легких порывов сквозняка, прони-

кающих в помещение сквозь едва приоткрытые створки. В правом углу комнаты, неподалёку от входной двери, располагается здоровая деревянная коробка, по высоте практически достигающая, и без того высокого, потолка. Впереди к коробке приделаны резные дверные ручки. Подле неизвестного дива, поставлена его миниатюрная копия, к верху которой приделано большое плоское овальное блюдо в красивой золотой оправе, отражающее на серебристой гладкой поверхности часть помещения с убранством. Слева от кровати находится резной невеликий столик, покрытый ажурной белой скатертью, больше напоминающей кружевную паутинку. На столе красуется изысканная разукрашенная ваза с пышными бледно-сиреневыми цветами, аромат которых слегка улавливался в воздухе. Два стульчика среднего размера, приставленные к столику, опираются на вычурные резные ножки, выгибая спинки с мягкой набивкой, словно стараясь удержать равновесие. Дарина пристально поглядела на удивительные предметы, напоминающие ей крохотных сказочных лошадок, и снова перевела взгляд на гигантскую коробку с миниатюрой, не подозревая, что любитесь обычным бельевым шкафом, комодом и зеркалом.

Но больше всего внезапную гостью восхитили, висевшие на стенах, картины, привидевшиеся девушке оконцами, выходящими на улицу, где покоились удивительные неподвижные вещи, предметы и замершие живые существа. Цветочные букеты с грациозными бабочками и стрекозами, па-

рившими над ними, выставляли себя на показ перед юной особой, впервые глядевшей на подобную волшебную красоту. Великолепные натюрморты, манившие естественностью, будоражили неискушенную фантазию. Всевозможные чаши с экзотическими фруктами, о существовании которых даже задумываться никогда не приходилось, вызывали желание прикоснуться к ним.

– Пробудись, пробудись же, – тихо зашептала Дарина, по-прежнему сомневаясь в реальности виденного, помотала головой.

За входной дверью раздался внезапный шорох, и девушку встрепенулась, вздрогнув от неожиданности, тесно вжалась в стену возле окна, около которого стояла, замерла в ожидании.

Слегка скрипнув, дверь стала медленно открываться, в проёме появился тусклый свет зажженной свечи. По мере того, как отворялась дверь, сердце юной особы всё сильнее сжималось от страха, и когда на пороге показался высокий плечистый мужчина, она едва не лишилась чувств. Приглядевшись к незнакомцу, Дарина узнала недавнего преследователя, и, не успев опомниться, подумать, выкрикнула:

– Чего надобно?

– Не спите, – утвердительно произнёс Константин, не обратив внимания на угрожающие нотки в девичьем голосе и постарался скрыть удовлетворённую улыбку. Затем прислушался к паническому дыханию гостыи. – Вам не стоит меня

бояться, я всего лишь заглянул удостовериться, что всё в порядке.

«Что за наречье у чужака?» – подумалось девушке. Выговор его плавен, текуч, голос нежен и силен. Но слова, такие знакомые, и в то же время не познанные, сложно разобраться в истинном смысле произнесенного. Подобные мысли заставляли Дарину бездействовать, поэтому она молчала, не зная, что ей говорить, как реагировать и как себя вести. Но стоило мужчине сделать шаг в её направлении, как она срывающимся голосом завопила:

– Не подходи!

– Выслушайте меня, – проговорил Князь спокойным приглушенным тоном, не желая сильнее напугать гостью.

Подойдя к прикроватному столику, хозяин замка поставил подсвечник на ровную поверхность, присел в одно из кресел, легким кивком указав на пустующую соседнюю мебель.

– Присядьте, – предложил он по-прежнему дрожащей напуганной девушке, – так вам легче будет успокоиться.

Но Дарина не сдвинулась с места, лишь сильнее вжалась в стену, мысленно моля успокоиться неистово колотящееся сердце.

– Ну хорошо, – огорченно выдохнул незнакомец, видя, что положение не изменится, – можете оставаться там, где пожелаете и просто слушать. Меня зовут Князь Константин Арман Наргор Ратмиров, называть полный перечень своих

имён не буду, в этом нет смысла, думаю, что для знакомства вполне достаточно первых. Я похитил вас из вашего мира, и посредством магических заклинаний перенёс в мир, параллельный вашей вселенной, за что приношу свои глубочайшие извинения. И...

Константин осекся, взглянув на Дарину и замолчал, увидев абсолютное непонимание, о котором ясно говорило сконфуженное выражение лица гостыи. Совершенно очевидно, что попытки объяснить сложившуюся ситуацию тщетны, поэтому Князь принял решение сменить тактику.

– Дарина, – тихим, вкрадчивым голосом позвал он, – прошу вас, не бойтесь, я желаю вам лишь добра, и это основная причина того, почему сейчас вы именно здесь. Всего одно ваше слово, и я верну вас обратно, в ваш мир, в ваш дом, к вашей привычной жизни...

– Нет, – со стоном выдохнула девушка, – домой... не надо.

– В таком случае, чего же вы желаете?

– Не знаю...

– Не знаете? Тогда позвольте помочь.

Юная особа помотала головой, выказывая недоверие, а затем выпалила:

– Толкуете со мной вот так... важно... словно я знатная какая-то! Толкуете красиво, что я не все речи могу разобрать!

Слова рвались из уст девушки, позволяя растворить

немного бушующих страхов, почувствовать себя увереннее, свободнее. Незначительные перемены в её поведении, появившаяся лёгкая раскрепощенность, порадовали хозяина замка, давая решимости сделать следующий шаг.

– Иногда я забываюсь, – очаровательная улыбка появилась на лице Константина, – прошу меня простить за это и позволить исправить совершенную оплошность.

Дарина неотрывно глядела на Князя, прислушиваясь, и стоило улыбке лишь коснуться его губ, выставив на показ ряд жемчужно-белых, ровных зубов, как юное колотящееся от волнений сердечко замерло. Девушка дождалась, пока охвативший её трепет немного утихнет, и посмотрела на незнакомца увереннее. Чужак оказался необыкновенно красив, таких мужчин ей прежде не доводилось встречать. Овал лица мужественен, изящно очерчен, но слегка выступающие скулы указывают на твёрдость и решимость характера, большие тёмно-синие глаза сверкают, отражая танцующий на сквозняке огонек свечи, прямой нос, с лёгкой горбинкой делит лицо на две симметричные части, а слегка пухлые губы манят, требуя поцелуя.

Жадно впитывая грубую мужественную красоту похитителя, девушка вдруг ощутила слабость в коленях, готовых подогнуться в любую секунду, выставив девичью глупость и несдержанность на показ. Смутившись, испугавшись возникших чувств, она так сильно побледнела и осунулась, что Константин заволновался и слегка нахмурился.

– Прошу, не бойтесь, присядьте, обещаю, вам ничего не угрожает, – тихо произнёс он, неспешно указав на соседнее кресло лёгким движением руки.

Гостья прерывисто вздохнула, сморщила носик, давая понять, что по-прежнему не доверяет чужаку, но всё-таки отважилась, и медленно, бочком, стала продвигаться к свободному креслу. Достигнув цели, неспешно опустилась на мягкую поверхность, сложила дрожащие руки на коленях ладонями вниз, и внимательно посмотрела на Князь с некоторой готовностью к обороне, словно тот мог наброситься на неё подобно изголодавшемуся зверю, подобно Гордею.

– Так намного лучше, – снова улыбнулся мужчина. – Ваши сомнения и непонимание мне знакомы, чтобы устранить возникший барьер необходимо знание языка доступного нам обоим, и я могу помочь обрести это знание. Но мне потребуется ваше доверие.

Дарина внимательно слушала говорившего, от части улавливая смысл некоторых слов.

– Ничего не бойтесь, здесь вы в безопасности.

Константин понизил голос до громкого шепота, придвинулся ближе к столу и положил руки на ровную поверхность, ладонями вверх. Затем посмотрел на девушку, и лишь взгляды их встретились, принялся неразборчиво что-то бормотать. Это бормотание, словно маленькие паучки, побежали по слуховым каналам гостьи, устремляясь глубже к разуму, продвигаясь вперёд, пока не достигло потаённых струн её со-

знания.

Одурманенная колдовским заговором, подчиняясь воле заклинателя, Дарина вложила свои руки в ладони Князя. Тот же, продолжая неотрывно смотреть ей в глаза, не отпуская холодных дрожащих рук, медленно поднялся со своего места, потянул девушку на себя, приблизившись вплотную. Она не сопротивлялась, не могла, даже в момент, когда хозяин замка медленно склонился и приник к её устам неожиданным лёгким поцелуем. Жар и трепет от невесомого прикосновения тёплых губ мужчины стремительной волной прокатили по телу гостьи, вызвав произвольный томительный стон. Но через мгновение, очнувшись, девушка широко распахала глаза, оттолкнула Константина, попятилась назад и тяжело дыша, закричала:

– Что вы себе позволяете?

Стоило фразе сорваться с губ, как Дарина зажала рот ладонями, в недоумении уставившись на своего похитителя. Князь при этом довольно улыбнулся.

– Теперь сложностей не возникнет, – загадочно проговорил он.

– Что вы хотите этим сказать? – выдохнула она, слегка ослабив «кляп». – Что вы со мной сделали?

– Ничего дурного, моя дорогая, всего лишь поделился с вами частью моих знаний.

– Вы меня поцеловали! – дрожащим голосом пролепетала гостья.

– Да, это было необходимой частью при заклинании, – спокойный тон Князя не выдавал эмоций.

– Заклинение? – брови девушки удивлённо поползли вверх. – Теперь моя речь будет подобна вашей?

– Не только..., – таинственно произнёс Константин, слегка склонив голову набок, удовлетворенно наблюдая за результатом проделанной работы.

– Что значит это ваше «не только»? – не унималась юная особа.

– Не всё сразу, моя дорогая, – на лице колдуна снова заиграла обворожительная улыбка. – Сейчас вам необходимо поспать. Боюсь, что я зря начал все эти объяснения посреди ночи. Единственное, что вам необходимо знать на данный момент, это то, что вы желанная гостья в этом доме, а не пленница. Я, конечно, понимаю, что поступил не совсем добросовестно, похитив вас, но сложившаяся ситуация имеет здравый смысл и я докажу это, но лишь завтра. Ложитесь в постель и постарайтесь уснуть, обещаю, что вас больше никто и ничто не побеспокоит сегодня.

– Но я..., – попыталась возразить Дарина.

– Нет, моя дорогая, – перебил её Князь, продолжая настаивать на своём, – не надо спорить, тем более, если учесть ваше недомогание.

– Недомогание? – встрепенулась та и с подозрением посмотрела на похитителя.

Константин замолчал и так же пристально поглядел на де-

вушку. Какую же глупость он сейчас сказал, точнее проговорился.

– О каком недомогании вы говорите? – нахмурилась гостья. – Я вполне сносно себя чувствую, если, конечно, вы ничего со мной не сделали, пока я оставалась без сознания.

– Нет, я ничего с вами не делал, и уж тем более, когда вы были без сознания, – без тени улыбки на лице произнёс Князь, – но вся ваша одежда... подол... были... в крови, и...

Запнувшись, Константин так и не смог закончить фразу. Теперь он просто стоял, молча глядя на девушку, у которой, казалось, все краски в один момент сошли с лица. Она побледнела так, что её кожа напоминала первый выпавший снег, уславший неприступные горные долины. Естественно Князь говорил о женском регулярном периоде, протекающем один раз в месяц, и Дарина прекрасно поняла его намек, но обстоятельства её «недомогания», на самом деле, были гораздо ужаснее.

Бессознательно обхватив плечи руками, стараясь спрятаться в собственных объятиях, юная особа опустила глаза и, взглянув на нижнюю часть своего тела, ахнула от неожиданности. Вместо сарафана, перепачканного кровью, гостья обнаружила на себе бледно-голубую кружевную сорочку, длинной доходившей до щиколоток. Медленно прижав подбородок к шее, чтобы поднять взгляд выше, она вдруг ощутила, как её щеки загораются жарким пламенем, приобретая пунцовый оттенок, оттого что сорочка имеет весьма откровен-

ный глубокий вырез, который выставляет, чуть ли ни большую часть вздымающейся белой груди на показ. Хуже того, плечи оголены, на них красуются лишь тонкие кружевные бретельки, благодаря которым сорочка не сваливалась с неё. Как она раньше не обращала внимания на эту срамоту! И всё это время абсолютно незнакомый мужчина глазел на неё, а она даже не прикрылась, потому что не замечала своей откровенной наготы! Ко всему прочему он ещё позволил себе бесстрастно говорить о её «недомогании»! Дарина, растерянная, возмущённая, не знала, как поступить, поэтому, дрожащим голосом, задала первый пришедший на ум вопрос:

– Где мой сарафан?

– Я приказал его почистить, – спокойно ответил Князь.

– Меня раздевали ВЫ? – задыхнулась гостя, чувствуя, как щёки краснеют ещё сильнее.

На этот раз Константин нахмурился.

– Дарина, – тихим, уверенным голосом проговорил он, – я, возможно, повторяюсь, но будьте уверены, что мне даже в голову не пришло бы сделать с вами что-либо дурное. Да, раздевал вас я, но и одевал тоже. При этом мои помыслы были достойными, а не порочными, а уж действия и подавно. Не отрицаю, я вас похитил, против воли привёл в иной мир, но это единственное, что осмелился сделать без вашего согласия. Тем более, учитывая ваше нынешнее состояние... мне... просто необходимо было вас осмотреть.

– Осмотреть?

– Именно, – кивнул хозяин замка, затем уточняя, добавил, – не разглядывать, а слегка осмотреть. Ведь, когда я заметил кровь, то... подумал, что вы ранены.

– Но я действительно ранена, – прошептала Дарина, думая, что сделала это достаточно тихо, чтобы не услышал Константин, но он услышал.

– Вы ранены? – в недоумении переспросил тот, пожалев, что не провёл осмотр тщательнее.

Несчастливая девушка неожиданно вздрогнула, и по щекам её покатались две хрустальные слезинки, оставив влажные дорожки на всё ещё краснеющих от стыда щеках.

– Нет, я не это хотела сказать, мне... я..., – пролепетала юная особа, делая попытку оправдаться.

Но, не найдя в душе сил закончить фразу, она запнулась и посмотрела на Князя, словно затравленный зверёк. В глазах её плескались горе и отчаяние, и чтобы не выпустить эмоции на волю, она закрыла лицо руками, пытаясь унять поток горько-солёной влаги, стараясь защититься от пытливого взгляда мужчины.

Константину стало не по себе. Ему доводилось бывать в столь сложных ситуациях, что не каждый мог выдержать, случалось, созерцать явления, заставлявшие иных слепнуть, слышать звуки, от которых другие теряли слух, но при этом он никогда ещё не находился в таком смятении, как в эту минуту. Тихие всхлипы хрупкого беззащитного создания, слов-

но затупленные заржавевшие лезвия, вонзались в сердце, вызывая глубокое сочувствие, желание заключить несчастную в крепкие успокаивающие объятия. Но пока уступать нельзя, необходимо помнить об этом! Сглотнув ком образовавшийся в горле, тихо проговорил:

– Прошу, успокойтесь.

Дарина не слушала, продолжала безмолвно вздрагивать от каждого порыва срывающихся слёз, заставляя хозяина замка сильнее недоумевать. Возможно, она действительно ранена, а он попросту этого не заметил?

Нахмурившись, Князь всё же решился на опрометчивый жест. Сделав шаг вперёд, протянул руки к рыдающей девушке, привлек к себе, заключил в объятия. В то же мгновение гостья затихла, словно трепыхавшийся мотылек, наконец-то обретший покой.

– Я даже подумать не мог, что повергну вас в такое уныние, – тихо, с сожалением, проговорил Константин.

Последовало недолгое молчание, а затем, уткнувшись лицом в мужскую грудь, Дарина чуть слышно проговорила:

– Это не ваша вина, не от ваших поступков мне горько, и нет того ранения, которое можно было бы назвать опасным для тела, но только для души.

Князь не ощутил облегчение от её слов, скорее тревогу. Несчастливая действительно нуждалась в утешении. Но почему? Если слёзы она проливали не из-за ран, и не из-за похищения, почему тогда? Что же могло наполнить душу такой

горечью?

Кровь! Подол перепачкан кровью! Ночь и она совершенно одна на тёмной улице...

Как гром среди ясного неба, понимание настигло Константина, он крепче прижал к груди невинное создание, которое не смог сберечь именно в тот момент, когда она сильнее всего нуждалась в помощи.

– Прости, – прохрипел он, будто вина лежала на нём, затем громче добавил, – скажи кто?

Дарина покачала головой, не желая отвечать, но вопрошающего это не остановило:

– Разбойник?

– Нет, – выдохнула та едва слышно.

– Знакомец? – настойчиво прощупывал хозяин замка.

– Больше, – наконец сдалась девушка, – тот, кого должна назвать своим супругом. – И вдруг запаниковав, пошла на попятную: – О Боже, простите, я не хотела... не понимаю, что со мной... почему всё это говорю.

– Можете мне довериться, – прошептал Князь.

– Довериться вам? Но почему? Я не знаю вас, и вы похитили меня! – выпалила девушка, отстраняясь. Паника нахлынула с новой силой.

– Чуть позже я объясню причину, по которой так поступил, но сначала мне хотелось бы выслушать вас, – всё тем же спокойным тоном продолжал Константин, не ослабляя своих объятий, не позволяя девушке высвободиться.

Юная особа чувствовала огромную мощь прижимающего её к себе мужчины, ощущала его власть над собой, но это не пугало, тревожило, но не пугало, наоборот, предавало силы и уверенности. Почему незнакомец оказывает на неё сильнейшее влияние, она понять не могла, но это не мешало наслаждаться трепетом, охватившим каждую клеточку тела. Глубоко внутри чувство доверия к таинственному чужаку уже поселилось, но бывалые страхи по-прежнему привычно играли на струнах души, не позволяя отказаться от настороженности и подозрительности.

И всё же, шумно вздохнув, гостья неожиданно заговорила, тихо, но отчётливо:

– Мой отец, уж не знаю, в чём перед ним провинилась, всю жизнь, сколько себя помню, относился ко мне с презрением. Все старания с моей стороны угодить ему, не приносили никаких плодов. И, видимо, нелюбовь ко мне возросла в нём столь сильно, что он продал меня в невесты палачу. Палачу! Продав как какую-то скотину! Я слышала, когда уже была на дворе, как звенели монеты, которыми палач расплачивался за своё приобретение, слышала этот проклятый звон, но не хотела верить в то, что со мной могли так поступить, но теперь понимаю, что жестоко ошибалась.

Замолчав на несколько мгновений, Дарина, инстинктивно ища спасения, прижалась к мужчине сильнее, уткнулась лицом в каменную грудь, заставив его острее почувствовать тёплую влагу горьких слёз, пропитавшую льняную рубашку.

Затем девушка снова немного отстранилась, продолжила:

– Поначалу мы жили с Гордеем мирно.

– С Гордеем? – переспросил Князь, предчувствуя ответ.

– Да. Так звать палача, купившего меня у отца, – короткий кивок сопровождал пояснение, – Он не прикасался ко мне, обещал, что пока нас не повенчают не тронет. Но солгал! В момент, когда вы меня ... забрали, я шла к реке Волхов, чтобы... смыть позор, чтобы... чтобы...

Дарина содрогнулась, вспомнив, как страстно желала смерти, отчетливее ощутила мелкую дрожь, бившую тело и попыталась сдержать рыдания, рвавшиеся наружу. Больше она не смогла выдать ни слова, но и этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть Константина в ярость. Злился он не только на чудовище, надругавшееся над юной невинной девственницей, но и на себя, опоздавшего на самую малость. Если бы он осуществил замысел на день раньше, девушка не пострадала бы от грязных лап мерзкого похотника. Увы, минувшего не воротить. Но он постарается заслужит доверие гостыи, пусть добиться этого будет совсем не просто. Да, сегодня она приоткрылась ему, доверив неприятную тайну, но это лишь мимолётный порыв, желание облегчить душу, сбросить камень, повисший на сердце непосильной ношей. Как она поведёт себя позднее, зависит от времени и его стараний.

– Вам необходимо поспать, – с нежно проговорил Князь, не желая дальнейших терзаний девушки.

– Но вы обещали открыть мне причину моего присутствия здесь, – запротестовала та.

– Конечно, моя дорогая, завтра я отвечу на любые ваши вопросы, а на сегодня достаточно переживаний, вы слишком устали, ложитесь в постель, не о чем не беспокойтесь.

– Неужели вы думаете, что я спокойно усну в чужом незнакомом месте. Я вам всё ещё не доверяю...

Девушка поспешно отстранилась от Константина, который до этого внушали ей лишь покой и трепет, снова почувствовав тревогу. Мужчину жест позабавил. Ему нравился факт, что гостя настолько непостоянна, непредсказуема. То она искренне плакала, не в силах сдержать эмоции, то отчаянно защищалась, шипя, словно загнанная на дерево кошка, то открывала перед ним душу, не стесняясь детской наивности, а вот теперь снова, казалось, стала опасливой и подозрительной. Чтобы успокоить, но не напугать прекрасную деву, Князь осторожно потянулся к ней, взял за подбородок большим и указательным пальцами, приподнял лицо и, не став терять ни секунды, не отводя взора, наклонился, прильнул губами к нежным теплым девичьим устам. Дарина неожиданно затрепетала в ответ, но не отпрянула. Отдавшись желанию придвинуться ближе, она положила ладони мужчине на грудь, ожидая дальнейших действий. Константин почувствовал, что девушка не сопротивляется, и мысленно вознёс благодарность небесам. Он слегка провёл языком по её нижней губе, лаская, а затем поцеловал крепче.

Покорённая ощущениями, ведомая инстинктами, гостя отдалась во власть Тёмного Князя, неосознанно подчиняясь ему. Тот продолжал дразнить, покусывать податливые уста до тех пор, пока они не приоткрылись, впуская внутрь горячий ищущий язык. Дразнящими движениями он то погружался в глубь её рта, искусно лаская, то возвращался обратно в своё прибежище. Этот страстный поцелуй совершенно не походил на предыдущий. Тот, невесомый, лёгкий, служил частью ритуала, нынешний разжигал огонь внутри, превращая кровь в жидкое пламя.

Теряя рассудок, утопая в новых ощущениях, Дарина почувствовала слабость, ноги стали ватными, колени задрожали, подогнулись. Стараясь удержаться и не упасть, она обвила руками шею кудесника, позволив Князю воспользоваться ситуацией, теснее прижать её к себе. Но лишь округлые нежные груди девушки коснулись Константина, он тут же оторвался от сладостного рта, издав приглушенный рычащий звук. Сердце его с неистовой силой колотило в грудную клетку, а в глазах читалось откровенное желание. Что же он делает? Сложно успокоить напуганную гостью, когда сам находишься в состоянии жгучего возбуждения.

Сделав глубокий вдох, хозяин замка отпрянул назад, пристально всматриваясь в милое лицо наивной девушки с влажными, припухшими от поцелуя губами, в глаза, затуманенные неосознанной страстью.

– Поспи, душа моя! – гипнотически проговорил он, ста-

рательно заглушая нахлынувшие чувства, слишком опасные, чтобы поддаваться их влиянию.

Дарина мгновенно ощутила тяжесть, наполнившую веки, заставившую их сомкнуться. Не успев осознать происшедшее, она погрузилась в обволакивающую мглу, отдаваясь воле сновидений. Князь подхватил на руки обмякшее тело, отнес к постели и, уложив на воздушный матрац, присел рядом.

Он долго смотрел на невинное создание, потрёпанное жизнью за годы существования. Но, не смотря на перенесённые тяготы, чистота души осталась не тронута, именно поэтому Князь так сильно нуждался в ней. Но до этой минуты колдун и представить себе не мог, что его нужда окажется выше того, на что приходилось рассчитывать раньше. Уже очень давно ни одна женщина не могла разжечь в нём огонь такой пожирающей силы, который сегодня удалось распалить юной, испуганной девушке, испытавшей накануне их встречи столько боли. Но это положения вещей не меняло, он не должен и не может воспользоваться преимуществом хозяина, необходимо постепенно завоевать хрупкое доверие девушки, лишь в этом случае она исполнит уготованное ей предназначение. И тогда он сможет уберечь избранницу, защитить от бед и от людей, способных причинить страдания безвинному наивному существу.

Поднявшись, Константин взял свечу с прикроватного столика, бросил последний взгляд на крепко спавшую девушку,

И ВЫШЕЛ ИЗ КОМНАТЫ.

Глава 5

Яркий дневной свет, разившийся по комнате, заставил Дарину открыть глаза. Стремительно сев на постели, девушка окинула помещение взглядом, убеждаясь, что события минувшей ночи действительно происходили. Но на этот раз не было ни страха, ни растерянности, лишь недоумение.

Выбравшись из постели, подойдя к комоду с зеркалом, гостя обнаружила на нём фарфоровый тазик и кувшин, наполненный чистой водой. Инстинктивно налив воды из кувшина в тазик, девушка умыла лицо и руки, затем вытерлась небольшим махровым полотенцем, предусмотрительно покоившееся на комодe. Покопавшись в выдвижных ящичках комода, Дарина обнаружила расчёску, несколько шелковых лент и заколок. Тщательно расчесав локоны, она подвязала их голубой лентой, довольно поглазела на отражение в зеркале. Все действия, проделанные ранее, выходили, словно сами собой, напоминая укоренившуюся старую привычку. Конечно, замарашкой юная особа никогда не слыла, но умываться она обычно ходила на улицу, где стояла лохань с водой, а волосы чесала гребнем и заплетала в косу. Естественно никакой речи не шло о фарфоровых тазиках и шелковых лентах. Но благодаря заклинанию, сотворенному Князем минувшей ночью, привычной теперь казались именно те действия, которые она проделала нынешним утром. Перемены отчётливо

выражались не только в привычках, они сквозили во всём образе девушки. Её движения, манеры, поведение отныне стали изысканнее, элегантнее. То как изящно она брала кувшин, как расправляла плечи, садясь на маленький стульчик, как плавно проводила расчёской по спутавшимся за ночь непослушными локонами, как вышагивала по комнате твёрдым уверенным шагом, выдавало в ней особу благородных кровей, каковой по сути Дарина не являлась. Удивляясь новому образу и поведению, девушка всё же получала от происходящего удовольствие, такое же новое, ни с чем не сравнимое и неопишное.

Насмотревшись на отражение в зеркале, гостья стала перемещаться по комнате в тщетных попытках отыскать хоть какие-то признаки приличной одежды. В конце концов, не в ночной рубашке же расхаживать по незнакомой местности. Подойдя к платяному шкафу, она распахнула дверцы и охнула. Такого изобилия нарядов отродясь видать не доводилось. В изумлении и нерешительности, застыв на месте, девушка не могла оторвать глаз от роскошных богатых одеяний, достойных цариц и боярынь.

Именно в таком положении и застал её, вошедший в комнату, Константин. Услышав, как щелкнул замок закрывшейся двери, Дарина быстро обернулась, возмущённо уставилась на вошедшего. Обхватив себя руками, она постаралась закрыть слишком глубокий вырез ночной рубашки, недовольно прошипела:

– Совершенно бестактно врываться в комнату к полуобнаженной... гостье!

– Прошу извинить меня, – произнёс Князь, но глаза не опустил, более того, уголки его губ дрогнули в непринуждённой улыбке, – я пришёл как раз, чтобы помочь вам одеться.

– Я и сама прекрасно справлюсь, не в первой, – голос девушки дрожал, не взирая на старание говорить твёрдо.

– Не сомневаюсь, – согласился хозяин замка, чтобы тут же развеять появившиеся надежды следующими словами, – но не сегодня. Сперва я хотел прислать к вам служанку, чтоб та помогла с туалетом, но затем подумал, что кроме меня здесь вам никто не знаком, и побоялся напугать вас новым вторжением чужого человека. Между раздражением, который вы сейчас испытываете по отношению к моему поступку, и паническим страхом перед незнакомой личностью, я выбрал меньшее из двух зол.

– Я не паникую при виде незнакомых людей, – насупилась возмущённая юная особа и обиженно поджала губы.

– Вынужден не согласиться.

– Вы меня похитили, – уже по-настоящему разозлилась Дарина, – естественно я запаниковала! Никто не повёл бы себя спокойно в подобной ситуации!

– Хорошо, – сдаваясь, проговорил Константин, – ваша правда, но одеться я вам всё же помогу.

И уже не дожидаясь согласия или протестов девушки, прошёлся по комнате, заглянул в распахнутый шкаф, и как

бы невзначай спросил:

– Вам уже приглянулось какое-нибудь из платьев?

– Голубое, – помолчав, выдавила наконец гостья, не в силах противостоять напору хозяина замка.

– Чудесный выбор, – улыбнулся Князь и, достав единственное платье голубого цвета, повернулся к Дарине.

– Что? – непонимающе выдохнула та, подозрительно уставившись на мужчину.

– Снимайте ночную рубашку.

– Вы, должно быть, шутите? – не веря собственным ушам, смутившись, пролепетала гостья, и как только Константин сделал шаг в её сторону, попятилась назад.

– Ну же, не ведите себя как ребёнок, – строго произнес он, хотя в синих глазах плясали озорные огоньки, когда девушка, подпрыгнув на месте, стремительно бросилась к кровати, и, юркнув под одеяло, натянула до самого подбородка.

– Нет, это вы ведёте себя... неправильно, – слышалось приглушенное возражение.

– Я всего лишь пытаюсь помочь вам надеть платье, с которым самостоятельно вы не справитесь, уж поверьте, – продолжал настаивать хозяин замка.

– Тогда отдайте мой сарафан, – справедливо потребовала девушка, – его я и сама смогу надеть.

– Ваш сарафан ещё не просох после стирки, – схитрил Константин, – и ко всему прочему, когда буду показывать вам свои владения, чтобы не возникало лишних вопросов у

слишком любопытных личностей, вам лучше быть в наряде, подобающем данному миру.

– Нет! Вы меня не заставите! – не сдавалась юная особа, сильнее кутаясь в одеяло.

– Ну, хорошо, – Князь сделал вид, что уступает, – бельё наденете сами, но с платьем мне всё равно придется помочь.

Глаза Дарины стали ещё шире.

– Вы что, хотели и бельё на меня надеть? – изумилась она.

– А что в этом такого? – пожал плечами мужчина.

– Вы бессовестный человек!

– Почему же, мне довелось видеть вашу наготу, и должен признаться, вам совершенно нечего стесняться.

Дарина задохнулась от стыда и возмущения, но высказаться не успела. Константин, повесив платье на спинку стула, последовал к выходу.

– Ваша взяла, – проговорил он, остановившись у двери, – но я вернусь через несколько минут. Думаю, этого будет достаточно, чтобы надеть бельё.

Стоило входной двери захлопнуться за мужчиной, как Дарина молниеносно выпрыгнула из-под одеяла, подскочила к комоду, принялась резко открывать один ящик за другим в поисках заветного белья. Ей казалось, что исподнее должно находиться именно здесь. И не ошиблась. В третьем по счёту ящике оказались панталоны, сорочки, подвязки, словом, необходимые части интимного туалета. Схватив первое, что попало под руку, девушка принялась стремительно натя-

гивать вещи.

К тому времени, когда Князь снова вошёл в спальню, гостя была уже полностью одета.

– Вот это скорость, – улыбнулся хозяин замка, не удивившись, – я отсутствовал три, возможно четыре минуты.

Девушка, смутившись, не нашлась, что ответить.

– Что ж, моя дорогая, вы справились с задачей, но боюсь, мне всё равно придётся помочь вам с туалетом, – наигранно вздохнул Князь.

– А что не так? – удивилась Дарина и повернулась лицом к зеркалу.

Отражение ответило само за себя. Платье перекошено, из глубокого прямоугольного выреза на груди видна поддетая кружевная сорочка, один рукав, в виде фонарика, задрался, неуклюже торчит, другой подвернут внутрь. Та ещё картина неуклюжей растрёпанной неряхи.

Подойдя к госте почти вплотную, Князь потянулся к торчащему рукаву, но не успел его коснуться, как она, вздрогнув, слегка отпрянула.

– Душа моя, – вкрадчивый заволашевающий шепот прозвучал прямо возле уха девушки, – не бойся, я всего лишь хочу помочь, и только.

Шумно выдохнув, юная особа недоверчиво поглядела на мужчину, отражавшегося в зеркале позади неё, но противиться больше не стала, и когда он снова потянулся к рукаву, позволила поправить торчавший уголок. Пользуясь безмолв-

ным разрешением, колдун положил руки на талию девушки, настойчиво, но аккуратно одёрнул платье. Затем расстегнул несколько пуговиц на спине, вдетые не в свои петельки, застегнул как требуется, удовлетворенно поглядел на проделанную работу.

Всё это время Дарина стояла неподвижно, иногда забывая дышать. Её завораживали плавные ласковые движения сильного мужчины. А когда он добрался до торчащей из прямоугольного выреза платья кружевной сорочки, бережноправил ткань, и как бы невзначай слегка коснулся вздымающейся груди тыльной стороной ладони, она задрожала, ощутив легкий трепет. Константин невольно ощутил возбужденное волнение гостыи, прокатившее по его телу ответной волной жара, но сделал вид, будто ничего не произошло. Поддаться желанию, значит загубить проделанные усилия.

– Ну, вот и всё, – проговорил Князь охрипшим голосом, усиленно стараясь взять себя в руки, прокашлялся.

Дарина снова взглянула на отражение в зеркале, и уголки её губ тронула лёгкая улыбка. Юная прелестная девушка, смотревшая на неё теперь с той стороны зеркальной глади, кардинально отличалась от предыдущей растрёпанной особы.

– Теперь вы готовы к тому, чтобы прогуляться по окрестностям моего замка, – сказал Константин.

– Вашего замка? – недоверчиво переспросила гостыя.

– Конечно, – улыбнулся Князь, – ведь вы не против?

– А мне даётся выбор? – нетерпеливо произнесла девушка.

– Выбор, – спокойно отозвался мужчина, – есть всегда и у каждого, просто иногда необходимо направлять того или иного человека в правильное русло.

На этот раз Дарина предпочла не спорить. Повернувшись лицом к Константину, готовая последовать на предложенный променаж по замку и местным окрестностям, она вдруг замерла, встретившись взглядом с кудесником, мгновенно ощутив, как тонет в глубинной синеве колдовских глаз. На короткое мгновение у неё перехватило дыхание, пока Князь Ратмиров не предложил руку, прервав гипнотический импульс. Юная особа непроизвольно опустила ладонь на локоть хозяина замка, стыдливо потупив взгляд. Мужчина оказывал на неё престранное влияние, порождая удивительные чувства, эмоции прежде не испытанные. Но главное, она больше не питала страхов, наоборот, девичье сердечко трепетало с доверием и симпатией к новому знакомцу.

Пробираясь по коридорам замка, гостя молча восхищалась красотой созерцаемого. Переводя взгляд от одного диковинного вида к другому, она с удовольствием разглядывала висящие на стенах картины и гобелены, стоявшие на мраморном полу статуи и скульптуры, свисавшие с потолка гигантские люстры. Изобилие фресок и мозаик, сменявших полотна портретов приводили девушку в благоговейный трепет. Никогда прежде ей не доводилось в своей жизни слы-

шать о чём-либо подобном, не говоря о том, чтобы лицеизреть это.

Когда же они добрались до библиотеки, и Дарина, войдя внутрь, увидела множество длинных и высоких полок, уставленных книгами, то в растерянности обратилась к Константину:

– Я почему-то знаю, что всё это называется книгами, – взволнованно произнесла она, рукой указывая на полки, заполненные томами и мемуарами, – но всё же не совсем понимаю, что именно это означает.

– Всё в порядке, – успокаивающе улыбнулся Князь, – я передал вам лишь малую часть знаний при заклинании, но если у вас будет желание, то постараюсь рассказать больше о том, что известно мне самому, и научить вас тому, чем вы заинтересуетесь.

Коротко кивнув, Дарина робко улыбаясь, неожиданно осознав, что она очень любознательна, и проследовала вглубь библиотеки. Помещение оказалось поистине огромным. В дальнем углу стоял большой письменный стол, выделанный из кранного дерева, на котором находились кипы бумаг и чернильница с пером. Приставленное к столу кожаное кресло с резными ножками, дополняло картину интерьера. Неподалеку от мебели вырисовывался здоровенный камин, подле которого располагались ещё два кресла с подлокотниками и удобной высокой спинкой. Посередине комнаты лежал плотный мягкий ковёр из верблюжьей шерсти, а

на больших окнах в виде арок, висели великолепные теневые шторы, которые в данный момент оказались распахнуты, позволяя дневному свету проникать в комнату настолько, чтобы полностью осветить её. В соседнем же углу, напротив письменного стола, находилась тумба, на которой красовался серебряный, выгравированный чудными рисунками, поднос, уставленный хрустальными графинами с жидкостями различных оттенков, а также хрустальные бокалы и стаканы, которые можно было наполнить этими жидкостями.

Изящные предметы посуды привлекли внимание Дарины.

– Что это? – спросила она.

– Напитки, которые возможно по вкусу кому-то будут не очень приятны, зато по составу наверняка завоюют симпатию каждого.

– А мне можно попробовать, – наивно пролепетала гостья.

Князь склонил голову набок, внимательно взглянув на юную особу. Затем, очаровательно улыбнувшись, подвёл к тумбе и, налив в один из бокалов немного жидкости янтарного цвета, протянул девушке. Приняв бокал из рук хозяина замка, Дарина сначала понюхала содержимое. Запах ей понравился, поэтому она без опаски поднесла бокал к губам, сделала большой глоток, и тут же закашлялась. Жидкость обожгла ей горло так, что на глазах выступили слёзы. Девушка в ужасе уставилась на Константина, не переставая при этом кашлять.

– Ох, это яд, – задыхаясь, выговорила она, – а я так глупа,

что сама его попросила!

– Это не яд, – проговорил хозяин замка, протягивая Дарине стакан с водой, – запейте, и тогда станет легче.

Девушка с сомнение поглядела на стакан с прозрачной жидкостью, но всё же взяла его, и разом осушила. Жжение в горле стало утихать, а по телу потекло приятное расслабляющее тепло. В голове немного зашумело, и гостя почувствовала странное умиротворение.

– Если это не яд, тогда почему со мной происходит что-то странное? Я чувствую себя такой лёгкой и свободной, – тихо промолвила она, прикоснувшись рукой к холодному лбу.

Ничего не ответив, Константин взял девушку за руку, и, подведя к креслу подле камина, усадил в него.

– Подождите немного, – сказал он, – через мгновение все чувства вернуться в привычное состояние.

И действительно, не прошло и пары минут, как Дарина почувствовала себя гораздо привычнее. Решив, что пора выяснить причину своего пребывания в замке Тёмного Князя, обратилась к нему:

– Вы обещали поведать мне сегодня, какова причина похищ... вашего внезапного гостеприимства.

Глубоко вздохнув, мужчина поглядел на пытливую юную особу, поморщился. Он знал, что этот момент настанет, но не думал, что так скоро.

– Хорошо, – угрюмо произнёс он, – думаю, вы правы, время настало.

– Время, – неосознанно вторила ему девушка.

– Да, моя дорогая, именно время причина всему. Как вы думаете, сколько мне лет?

Дарина удивилась такому вопросу, но в ответ лишь пожала плечами, и Константин продолжил.

– Мне тысяча сто тридцать три года, и уже восемь сотен лет, из прожитого мною времени, я ищу ту, что поможет разрушить оковы заклятия, ставшего причиной моего одиночества, – хозяин замка принялся мерить комнату шагами, стараясь не глядеть на гостью.

Та же в изумлении распахнула глаза, приоткрыла рот, чтобы спросить что-то, но потом снова закрыла его, так и не решившись что-либо произнести. А Князь тем временем продолжал:

– Когда-то, будучи молодым и не познавшим жизни в полной её красоте, я, с присущим юности пылом, стремился овладеть многими знаниями и ремёслами. Мне всё казалось интересным, притягивающим внимание, удивительным. Но имея властного богатого отца-тирана знатного рода, который не давал ступить и шагу без его дозволения, трудно было воплотить в жизнь мечтания. И тогда, лишь мне исполнился двадцать и один год, я пустился на авантюру. Переодевшись простым крестьянином, я бежал из отчего дома к ближайшему поселению, и там, на все сбережения, которые мне удалось умыкнуть у родителя, купил у местного пастуха отару овец, чтобы уйти с ними на далёкие пастбища, и в другие го-

рода, которые могли дать мне те знания, о которых так грезил.

Целый год бродил я по свету, продавая овец и их шерсть, когда требовались деньги на пропитание и одежду, и за этот год многое узнал, многому научился. Но однажды, моя отара набрела на город под названием Далий, потаённый город, в котором главным ремеслом были магия и колдовство. Не знаю почему, но как только я подошёл к огромным воротам города, они распахнулись передо мной, словно приглашая войти. Не став медлить, я прошёл сквозь арочный свод, ведя за собой небольшое овечье стадо. Но стоило бляшкам оказаться внутри стен града, как все они, до единой, рухнули замертво у моих ног. И в тот же момент я увидел, как мне на встречу идёт прекрасная женщина, одетая в белые одежды.

– Это плата за твоё пребывание в великом Далие, путник, – сказала незнакомка, указывая на мёртвых овец.

– Не слишком ли большая цена, тридцать овец за жалкий момент сомнительного гостеприимства? – последовало слабое возражение.

Женщина лишь рассмеялась в ответ, но затем лицо её стало серьёзным.

– Чего же ты хочешь, странник? – спросила она.

– Обучится ремеслу, которое есть в вашем городе.

– Ремеслу? – удивилась женщина. – А знаешь ли ты, какое именно ремесло процветает в Далие.

Я ответил честно, что не знаю, на что незнакомка снова

рассмеялась.

– Ну, хорошо, – сказала она, – ты получишь то, что желаешь.

Как же глупа и беспечна молодость. Мне действительно позволили остаться в Далие, где за десяток лет я выучился очень многим премудростям алхимии, магии, колдовства и ворожбы. Но как же велико было моё разочарование, когда, наконец, понял, что меня готовили в рабы, служители главной жрицы города, той самой женщины, встретившей меня у ворот.

Поначалу не осознавал того, что меня используют, направляют делать самую грязную работу. Я разрушал города, уничтожал селения, возрождая их снова, но уже с новой верой и храмами для поклонения жрице Далия.

Полностью поддавшись чарам колдуньи, магическому азарту, и в конце концов утратив себя, я был совершенно безразличен к тому, что происходило вокруг. Но шли годы, и мой разум с течением времени прояснялся, пробуждая стыд за содеянное, жалось к павшим от моих рук, боль от разрушений, учинённых мною. И мне захотелось уйти из Далия, покинуть жрицу, предотвратить всё то ужасное, что ещё могло свершиться. Но я не учёл одну важную деталь. Мои желания не имели никакого значения для колдуньи. Она считала меня своей собственностью, рабом, который не мог ослушаться приказа. И как только я попытался покинуть её, она наложила на меня могущественное заклятие, необходимое

для того, чтобы удержать меня подле неё.

Познания в магии, приобретённые за долгие годы обучения, помогли мне уклониться от большей части колдовского наговора, но полностью защититься от него мне не удалось. Поэтому, покинув город, я постарался уйти как можно дальше, и в месте, где мы сейчас находимся, возвёл город с помощью колдовства и защитил его, окутав магическим полотном, сотканным из заклинаний.

Это усилие помогло оградиться от обнаружения жрицей Далия и людьми, служащими ей, но полной связи с этой женщиной не смогло пресечь. Иногда я всё ещё чувствую, что она нуждается во мне, призывает, пытается выманить и снова приручить, и знаю, что это не прекратится, пока заклинание жрицы не будет разрушено.

Выслушав рассказ Князя, Дарина пристально на него посмотрела, а затем спросила:

– Но какова моя роль в сложившейся ситуации?

– Вы – ключ, необходимый мне для исцеления, – искренне признался Константин, глядя в пытливые глаза девушки.

– Ключ? – растерялась та. – И чем же я могу помочь?

– Очень скоро в двух мирах наступит затмение, в моем лунное, в вашем солнечное, подобное явление большая редкость, два мира обретут единство на короткий срок. Вам к этому времени необходимо не утратить невинность и доброту души, – пояснил хозяин замка. – В назначенный срок, останется только произнести заклинание, оно разрушит ча-

ры жрицы.

– Но я не знаю заклинаний, не владею магией, – пролепетала гостья.

– Этому не сложно научиться.

– Все что от меня требуется, произнести необходимое заклинание? – недоверчиво переспросила Дарина, потирая кончиками пальцев пульсирующие виски, стараясь уменьшить нарастающую мигрень.

– Да, – кивнул мужчина. – Но, увы, не все так просто...

– Почему? – выдавила та.

– Душа..., – Константин замялся.

– Что не так с душой?

– Усложняет задачу состояние вашей души.

Девушка нахмурилась, теряя смысловую нить разговора.

– Дело в том, – старался разъяснить Князь, попутно наблюдал за реакцией гостьи, – что на момент нашей первой встречи, ваш внутренний мир излучал невероятный свет доброты, чистоты, доверчивости. При повторной встрече многое поблекло, и я отчетливо ощутил надломленность душевных чувств. Сейчас причина известна, от чего безмерно сожалею, что я не вовремя... не предотвратил... случившегося.

Дарина смотрела на Князя в полном недоумении. Видя её растерянность, тот продолжал:

– Не думайте, что первое столкновение с вами произошло минувшей ночью. Я видел вас раньше, бегущей в сумерках

по дороге меж полями. Мои поиски спасения начались уже давно, приходилось бродить по мирам, тратя бесчисленное количество сил и времени. А когда надежда почти угасла, небо сжалилось и послало мне вас.

– Значит, туман не был видением. . . – прошептала Дарина, внезапно вспомнив сумерки спускающейся ночи, отцовский выговор, поле, стремление к спасительному сеновалу и призрачный силуэт мужчины в туманном облаке,двигающийся на встречу.

– Туман? – настороженно спросил хозяин замка. – В ту ночь вы видели туман?

– Не знаю, – пролепетала гостья, сосредотачиваясь, – облако походило на туман, медленно плывущий, а по центру силуэт человека. Но тогда мне подумалось, что это от страха разыгралось воображение и образ просто почудился.

Князь улыбнулся, сильнее уверившись в подлинности находки. Если избранница смогла разглядеть его под оболочкой заклинаний, помогающих скрыться от посторонних глаз, значит высокие ставки на сделанный выбор оправдаются.

– Так, по-вашему, теперь я нечиста? – потупив глаза, Дарина резко сменила тему.

От брошенной фразы, улыбка на лице Константина мгновенно завяла, брови сошлись на переносице, добавив хмурому виду немного угрюмости.

– Послушайте, моя дорогая, – спокойный тон мужчины скрывал его истинные чувства, – чистота и непорочность

слегка поблекли, но остались при вас, невзирая ни на какие обстоятельства, ибо я говорю о невинности духовной. Вы не стремитесь к мести, не желаете никому дурного, но горечь и обида все же закрались в ваше сердечко. Откажитесь от них, сберегите жизнелюбие, доброту, всепрощение, ведь это сильнейшее оружие против злого и порочного в мире.

Дарина молчала, понимая о чём толкует колдун, но легче от этого не становилось. Упомянутая горечь, словно противный слизкий червяк, действительно притаилась в сердечке несчастной и точила его, вызывая щемящую боль при каждом воспоминании о мерзкой сцене её растления.

Напряжение возрастало. Князь чувствовал гнетущую атмосферу, поэтому, желая сменить обстановку и настроение, быстро протянул девушке руку, попутно спросив:

– Вы позволите проводить вас в сад? Уверяю, он придётся вам по вкусу.

– В сад? – удивилась гостя. – А как же книги? Вы хотели объяснить их значение.

– Так оно и было, – признался хозяин замка, – но теперь вижу, что не время для этого. Вам необходимо слегка развеяться. Сложившийся разговор оказался слишком утомительным.

С этим девушка не могла не согласиться, поэтому противиться не стала. Позволив Константину помочь ей подняться, последовала за ним по широкому коридору, ведущему к выходу в сад.

Место, называемое садом, оказалось удивительно необыкновенным. Длинная извилистая тропинка, по которой прогуливались Князь со спутницей, пролегла вдоль загадочных деревьев, увешанных странными неведомыми вытянутыми, скрюченными, в пупырышке и даже с пушком плодами, бордовыми, фиолетовыми, бело-оранжевыми цветами, листва и та имела непривычный сине-зелёный оттенок с красными прожилками. Между деревьев стелился по земле голубоватый дымок, местами клубившийся, заворачиваясь в причудливые узоры и казавшийся гуще обычного. Солнечному свету, пробивавшемуся сквозь древесные кроны, не хватало сил рассеять туманное чудо колдовской природы. Повсюду слышалось не знакомое, но приятное залиvistое щебетание птиц. Порхали крохотные мотыльки со светящимися поблескивающими крылышками.

Постепенно, с каждым следующим шагом, к Дарине возвращалось спокойствие и умиротворение. Она с большим интересом разглядывала новые невиданные ранее деревья, растения, насекомых. Но лишь до тех пор, пока её внимание случайно привлекло движение кого-то или чего-то, прятавшегося меж древесных ветвей и стволов. Она крепче схватила Константина под локоть, инстинктивно прижавшись к нему. Остановилась, озираясь по сторонам, поморщилась.

– Что вас беспокоило, душа моя? – поинтересовался мужчина.

– Наверное, показалось, – сказала юная особа, продолжая

всматриваться вглубь сада.

– Что именно? – Князь проследил за её взглядом.

– Не знаю, что-то белое, полупрозрачное... Оно за нами наблюдает.

Константин слегка улыбнулся, потянул девушку вперёд, продолжив медленно следовать по тропе.

– Не нужно тревожиться, душа моя, – привычно спокойным тоном проговорил он, – это безобидные существа, потерянные души, призраки, обретшие приют и убежище в Саду Грёз.

– Потерянные души? – испуганно переспросила гостя, ещё теснее прижавшись к спутнику.

– Да, – ответил Князь, позабавившись реакцией девушки. – В разных мирах, разные существа, но потерянные души есть везде, обычно они не видны человеческому глазу, но только не в этих местах. Бывает так, что тело гибнет, а душа остаётся на земле, не сумев уйти в потусторонний мир, царство мёртвых, чтобы начать цикл перерождения, и тогда, мучась, обрекается на скитания. Однажды повстречав несчастного, измученного скитаниями призрака, я пожалел его и сотворил Сад Грёз, ставший бедолаге пристанищем. Позже и другие духи нашли здесь свое место, в обмен на некоторые услуги с их стороны.

– Вы используете нуждающихся... духов в своих целях? – охнула Дарина, слегка отстранилась.

– Не часто и только по согласию, – ответил Константин. –

В Саду Грёз им легко, спокойно, здесь они счастливы, поэтому, в благодарность, иногда выполняют некоторые из моих просьб.

Сказанное хозяином замка успокоило девушку, позволив немного расслабиться и продолжить путь. Тропинка тянулась вперёд, удаляясь дальше в глубь сада, который, казалось не имел конца и края.

Немного позже прогуливающаяся пара вышла к небольшому озерцу, круглой формы, усеянному белыми и жёлтыми цветущими кувшинками. Два чёрных лебедя грациозно плавали по зеркальной глади воды. Более крупный из них встрепенулся, выпрямил длинную шею, расправил крылья, замахал вверх-вниз, задевал, разбрызгав озерную воду. В это же мгновение на берегу стали появляться призраки, так тщательно, до этого, скрывавшиеся за деревьями. Сущности приобрели форму человеческих тел, взяли за полупрозрачные руки, и стали водить хоровод вокруг озера. Их белые одежды плавно раскачивались на лёгком тёплом ветру.

– О, это волшебно! – восхищённо воскликнула Дарина.

– Они приветствуют тебя, – проговорил Князь, а затем внезапно наклонился и прильнул к устам девушки.

В нежном, лёгком поцелуе не ощущалось намёка на огненную страсть, и всё же гостья затрепетала, подалась вперёд, бессознательно прильнув к Константину, положив тёплые ладони на его могучую грудь. Наслаждение лаской заполняло её, но неведомый страх, закравшийся в девичье сер-

дечко, всё же заставил прервать поцелуй и отпрянуть от мужчины, вызвавшего бурю смешанных чувств.

– Почему вы целуете меня? – голос девушки предательски дрожал.

– Прости, но я не в силах удержаться, – улыбаясь, ответил Князь, – в лучах утреннего солнца ты обворожительна.

От подобных слов, сердечко Дарины застучало сильнее. Она вдруг заметила в стоявшем перед ней мужчине странные, почти неуловимые изменения. Но это не напугало, даже наоборот, понравилось. Словно вот только что между ними протянулась невидимая связывающая нить, не существовавшая раньше.

Связь действительно образовалась, хрупкая, неустойчивая, но способная на развитие. Касание поспособствовало её возникновению так, как и было изначально задумано. Поцеловав избранницу в момент ритуального танца духов, колдун укрепил положение девушки в новом для неё мире. Но Константин не учёл одной важной детали. Прикосновения к этому земному созданию, снова вызвало в нём неземные ощущения. Почувствовав, что желание переходит за рамки дозволенного, он даже обрадовался, что Дарина отпрянула, не позволив развиться дальнейшим событиям. Ещё не пришло время, и не потому, что он не хотел её, а потому, что она не была готова принять его. Познавшая боль и слишком напуганная, теперь несчастная не могла так просто принять факт, что близость мужчины не принесёт новых нестерпимых му-

чений. В невинном создании чувствовалась женственность и страсть, которой девушка ещё не понимала и не распознавала, поэтому она, то тянулась к Константину, неосознанно отдавая себя во власть чувств, то отталкивала его, пугаясь нахлынувших ощущений.

Князь видел её терзания, сомнения, нерешительность и не хотел торопить события. Действия и так слишком быстро набирали обороты, поэтому необходимость в некоторых ситуациях соблюдать дистанцию и проявлять терпение, увеличивалась. Но Бог свидетель, с каждой минутой, проведённой рядом с Дариной, ему гораздо труднее удавалось держать себя в руках.

– Не сердись, душа моя, ведь это поцелуй перед временным расставанием, – тихо проговорил мужчина.

– Расставанием? – встрепенулась гостья, в глазах промелькнуло удивление, сменившееся с огорчением.

– Тебе необходимо вернуться домой, в Великий Новгород, – подтвердил он.

Теперь уже в глазах девушки читался неподдельный страх.

– Но как же? – заупрямилась она. – Ведь я должна помочь тебе, я – ключ, необходимо учить заклинания, познать книги...

– Всё будет, но пока необходимо вернуться, – твердил Князь.

– Но почему? – взмолилась девушка.

– У тебя нет полной свободы, – пришлось признаться, другого выхода не было.

– Не правда, я абсолютно вольна решать сама за себя!

– Да, но не в мире магии, – вздохнул колдун. – Ты сказала, что отец заключил сделку с палачом, продав тебя ему.

– И что с того? – пожала плечами девушка, мысленно содрогнувшись от печального воспоминания.

– Теперь ты принадлежишь человеку, купившему тебя, а значит должна пока вернуться к нему, – хмуро выдавил из себя Константин, зная, что выбора нет.

– Это жестоко! – в бессилии закричала Дарина. – Зачем же тогда нужно было забирать меня в этот мир, давать надежду? Зачем нужно было уговаривать, рассказывать...

Голос девушки дрогнул, сорвался, из глаз брызнули слёзы отчаяния, она закрыла лицо руками. Но как больно ни было Князю принять решение, необходимо оставаться непреклонным во имя спасения обоих.

Он приблизился к несчастной, обнял за плечи, притянул, ласково провел ладонью по щеке.

– Прощу тебя, душа моя, не надо так огорчаться, – нежно, сочувственно проговорил он, – тебе абсолютно нечего страшиться.

– Я не вынесу снова того позора, – всхлипнула Дарина, перед глазами возник образ обезумевшего Гордея.

– Никто и ничто больше не причинит тебе вреда, – уверил колдун.

Девушка вскинула голову, и глазами полными слёз, посмотрела на человека, которого теперь считала спасителем. Похитив несчастную, он спас её в роковую ночь, когда она должна была учинить саморасправу. Осознание пришло ещё раньше, но признание факта наступило только сейчас, наполнило сердце теплом и благоговением.

– Я верю тебе, – прошептала невеста палача.

– Хорошо, – с трудом выговорил Тёмный Князь, на душе скребли кошки. – Скоро я снова приду за тобой, а пока закрой глаза, и не открывай, пока не почувствуешь, что меня больше нет рядом.

При этих словах сердце девушки болезненно сжалось, но всё же, в последний раз, заглянув в кобальтовые глаза спасителя, Дарина крепко зажмурилась, а когда открыла веки, обнаружила, что находится в доме Гордея в малой комнате, возле своей лежанки.

Хозяина нигде не было видно, но стоило только подумать, что его нет дома, как дверь резко распахнулась, на пороге показался палач.

Девушка вздрогнула, внутренне сжалась, но Гордей не спешил заходить внутрь. Стоя в дверях, внимательно разглядывал невесту.

– Вернулась, – наконец послышался едва уловимый шепот облегчения. Затем нахмурившись, мужик повысил голос, – Что это ты чудно так наряжена?

Не сразу поняв, о чём идёт речь, Дарина опустила глаза,

посмотрела на своё одеяние. К удивлению, на ней по-прежнему оставалось надето голубое платье из гардероба Замка Теней. Оторопев, юная особа не нашлась что ответить, а только молча стояла, наблюдая за реакцией палача.

Не дождавшись от девушки ни слова, тот хмыкнул, и, продолжая хмуриться, прошёл внутрь дома, уселся за стол.

– Присядь, Даринка, – скомандовал Гордей, глядя на сложенные в замок руки, лежащие на столе.

Движимая страхом, Дарина медленно, осторожно приблизилась, но садиться не стала. Видя неповиновение невесты, мужик занервничал, но настаивать не стал, и, помолчав, тихо произнёс:

– Ты не серчай на меня за поступок необдуманный, тошно мне было, вот и набросился на тебя. Всё ж невеста ты мне, жена будущая, кому как не супружнице утешать в горе мужа своего.

Раскаявшись в содеянном, Гордей совсем поник головой. Сколько себя помнил, он всегда имел крутой нрав, был вспыльчив, ревнив и самоконтролю почти никогда не поддавался, особенно в минуты приступов безумия. Горько сожалел он потом о совершенных поступках, но сожаление проходило быстро, а на его место приходила твердая уверенность в собственной правоте, в том, что, если что случилось, значит, так тому назначено свыше.

Дарина ему нравилась, нисколько не жалел, что купил девку, но жениться пока на ней не мог, не позволяли обстоя-

тельства, утаённые от Угрима, да от будущей невесты. А заключались обстоятельства в том, что Гордей женат на покойнице.

Прежнюю жену он не любил, часто бил её, но развода не давал. Однажды так избил несчастную, что та скоропостижно скончалась. Чтобы утаить грех, убийца поджог дом вместе с телом усопшей супруги и подался в бега.

Остановившись на ночлег в одном из селений, через которое пролегал путь его бегства, услышал, что в Великом Новгороде требуется на службу палач. Никто на эту должность не зарился, а для него сейчас любой заработок подошёл бы, тем более, палачом быть дело не сложное, точи топор, да руби головы.

Отправившись на следующее утро в город, он получил желаемое место работы. К тому же ему предоставили место для жилья, захудалый домишко, ранее принадлежавший прежнему покойному палачу, не имевшему никого из родни.

Такого поворота судьбы Гордей никак не ожидал. Желая отметить столь удачное стечение обстоятельств, он отправился в кабак, где и встретил Угрима. Разговорившись за очередной кружкой пива, тот принялся хвалиться родной дочерью, рассказывая, какая она умница да красавица. Но, невзирая на все достоинства девицы, мужик страшно ненавидел её и желал избавиться от несносного создания. Тогда Гордей предложил отдать дочь ему в жёны. И мужик согласился, но только не отдать, а продать за незначительную сум-

му. На том и порешили.

Впервые увидев будущую невесту, палач удивился тому, что она ещё в девках ходила, ведь такую красавицу надо хватать, да бежать галопом, чтоб другому не досталась. Поэтому он, не раздумывая, отдал уговоренную сумму нерадивому отцу, и сразу же забрал то, за что уплачено. Видя, что несчастная до смерти напугана всем происходящим, решил пока не прикасаться к ней, дать обвыкнуться, смериться с неизбежной участью. Но вся сложность задуманного заключалась в том, что он возжелал её с первого момента, как только увидел, и эта страсть крепла, росла день ото дня, становясь неконтролируемой.

Пытаясь заглушить животное вожделение к той, которая неожиданно пришлась по сердцу, Гордей старался пораньше уходить, поздно возвращаться домой, пропадая на службе. А трудиться на новом поприще ему нравилось. Пусть серьёзной кары пока не приходилось проводить, в Великом Новгороде смертная казнь явление не частое, но вот порка в наказание, или сечка кнутом, это дело обыденное. Но так не могло продолжаться постоянно, и когда, в очередной раз, явившись на служебный пост, ему сообщили, что на закате необходимо казнить мужика, обвиняемого в разбое, посредством отсечения головы, палач воспринял сообщение спокойно, словно ранее уже головы людям рубил.

На закате, полный решимости убить человека, Гордей отправился в болотистые окрестности, на готовище размечен-

ное для свершения казни. Но увидев обвиняемого, жалкого хилого мужичка в оборванных лохмотьях, которого держали под связанные руки два иноземца, ощутил дрожь в коленях, на лбу выступил холодный пот, сомнение закралось в душу. Подойдя ближе, он стал внимательнее рассматривать осужденного, и совсем не ожидал, что тот вдруг запрокинет голову, злобно оскалится, выставив на обозрение редкие гнилые зубы, и плюнет прямо в лицо «несущему смерть». Это действие разбудило дремавшего в палаче зверя. И как только осуждённого поставили на колени, склонили голову, его убийца, с размаху, нанёс чудовищный удар топором по обнаженной шее. Голова разбойника отскочила, откатилась, упав в нескольких метрах от безжизненного тела. Из открытой раны хлынул горячий поток багрово-алой липкой крови, замарав виновников в смерти казнённого.

По уставу умерщвлённое тело необходимо придать земле. Когда Гордей бросил последнюю горсть чёрной почвы на холмик первой жертвы, пожелав схоронить казнённого самостоятельно, пик его раздраженного возбуждения достиг такого уровня, что он уже не владел собой. Необходимо было найти выход скопившейся энергии и срочно.

Окончив дело, палач незамедлительно отправился домой, где обнаружил несчастную Дарину, у которой силой отобрал невинность, что едва не погубило ее, во имя собственного спасения.

Теперь он понимал, какую боль причинил невесте, но ви-

ны за собой не чувствовал, потому как жене, пусть и будущей, положено делить ложе с супругом.

Мысленно оправдавшись, уверовав в собственные суждения, палач поднялся с места, потянулся к девушке.

Беззащитное, перепуганное хрупкое создание, осознав, что ей грозит новая опасность, в бессилии попятилась назад.

– Полно те противиться, на сей раз ласков буду, – хриплым голосом проговорил Гордей, наблюдая за бессмысленным отступлением невесты. – Вину заглажу я, Даринка... будучи нежным. На супружеском ложе много радости, вот увидишь.

Не слушая медовых обещаний, девушка продолжала пятиться, чувствуя возрастающий страх, панику, крик, подступивший к горлу, готовый сорваться с уст. Отступала недолго, уперлась спиной в твердую стену. Мужик воспользовался её затруднением, бросился вперёд, схватил за плечи, рванул на себя. Несчастливая охнула и затрепетала от ужаса. Но стоило Гордею склониться, жадно припав к манящим устам, нечто неведомое подхватило его, с небывалой силой швырнула в противоположную стену так, что тот, ударившись, рухнул на пол, потерял сознание.

Не веря своим глазам, Дарина уставилась на мужика, расprostертого на грязном полу. В одно короткое мгновение пришло осознание, что именно Константин имел в виду, обещая полную безопасность в любой ситуации. Отныне тревожиться оставалось лишь о текущем вперед времени, о воз-

возможности увидеть Темного Князя, посеявшего в её душе семена надежды, и о проросших из семян нежных чувствах, питаемых образом колдуна.

Глава 6

Ожидание постепенно становилось абсолютно невыносимым. Предыдущий день сменял новый, но такой же безрадостный и одинокий. Надежда Дарины на то, что Князь вернётся за ней, постепенно угасала, а веру в случившиеся чудесные события сохраняло лишь изысканное голубое платье, надёжно спрятанное под койкой, да то обстоятельство, что Гордей больше не смел прикасаться к ней, опасаясь новой встряски.

Стремясь немного развеять, поселившиеся в голове мрачные мысли, девушка решила отправиться на рынок, погулять меж торговых рядов, поглядеть, что творится в мире. Взяв с собой плетёную корзинку, вышла из дому и пошла вдоль улицы. Солнечный, пропитанный весенним тёплым день, подстёгивал её, пробуждая радостные эмоции. Она замедлила шаг, прислушиваясь к щебетанию птиц, гудению пчёл, вдыхая аромат цветущих деревьев, витавший в воздухе.

На самом же рынке царила обыденная суматоха. Торговцы зазывали посетителей, каждый к своей лавке, нахваливая товар, красочно расписывая достоинства той или иной вещицы. Дарина любопытно, с большим интересом рассматривала различные предлагаемые изделия. Монет на покупки не имелось, но ведь она и не за этим на рынок пришла. Де-

вушке нравилось глядеть на людей, на то, как они суетятся, бегают, усиленно стараются сбегать содержимое прилавков заинтересованным скупщикам.

Протиснувшись в ряды с посудой и глиняной утварью, расписанной под гжель и хохлому, девушка пошла дальше, на ходу любуясь вычурностью рисунков. Она так увлеклась, что не заметила, как вышла почти на край рынка, недалеко от которого располагалась проезжая часть.

В то же мгновение вблизи раздался топот копыт, и не успела Дарина опомниться, как на неё налетела взбешённая лошадь иноземца. Перепуганная до смерти девушка, защищаясь, выбросила вперёд обе руки, попытавшись загородиться от огромного животного. И в тот момент, когда копыта лошади были готовы обрушиться на несчастную, скотину что-то затормозило, рвануло в сторону, бросив на пыльную землю. Животное жалобно заржало, повалившись на бок, но быстро сориентировавшись, побарахталось и снова вскочило на ноги, потеряв при этом седока, распластавшегося на земле. По всей вероятности, упавший, от удара, потерял сознание.

Дарина в изумлении распахнула глаза, уставившись на содеянное, не в силах понять, что натворила. Немного придя в себя, по озиралась вокруг, с ужасом понимая, что привлекла слишком много ненужного внимания. Ранее суетившийся по близости народ, тарашился на стоявшего подле распластанного тела иноземца, хмельного от удара, храпевшего коня, хватающего воздух запененным ртом. Кое-где стали слышны

шепотки встревоженных голосов наблюдателей:

– Даже не коснулась...

– Швырнула животину словно тряпичную куклу...

– Небось ведьма...

Народ шептался, но приближаться к виновнице инцидента не решался. Поэтому, воспользовавшись замешательством окружающих, та бросилась на утёк. Следуя инстинкту самосохранения, она бежала вперёд, не разбирая перед собой дороги, пока гул позади не стих, а дыхание не стало шумным и прерывистым от спешки.

Что же происходит? Неужели Князь Константин магической силой огородил её от всех возможных напастей? Но на людях такое показывать немислимо! Они боятся неизведанного, чураются непознанного, огораживают от всего, что чуждо, что может представлять опасность для них. Если увиденное перевернётся на неверный лад, то повлечет за собой большую беду.

Мысли, роившиеся в голове Дарины, преследовали её до самого дома. Зайдя в помещение, она поставила на пол пустую корзинку и присела на скамью, не обратив внимания на то, что за ней наблюдают из соседней комнаты.

– Чем раздосадована, голубка?

Раздавшийся в тишине мужской голос, вывел девушку из ступора, прервав размышления. Она подняла глаза, посмотрела на говорившего, откровенно удивившись ласковому тону. Гордей прошёлся по комнате, стал перед невестой.

– Ну, что молчишь? – в интонации появились требовательные нотки.

– Просто немного устала, вот и всё, – быстро пролепетала Дарина, стараясь не выдать рассеянного состояния.

– Куда ходила?

– На рынок, – ответ прозвучал сухо, что не понравилось палачу.

– Отчего ж корзинка пуста? – мужик вопросительно изогнул бровь. – Ничего не приглянулось?

– Приглянулось, – послышалось слабое возражение, – только без монет я ходила.

– Что же у меня не попросила? – сильнее нахмурился Гордей, подался вперёд, стараясь лучше рассмотреть выражение лица невесты.

– Прав на то не имею, – опуская глаза, вымолвила та.

– От чего же? – не унимался палач.

– От того, что не жена, клянчить не буду, – сказала Дарина, а затем поспешно добавила, – и такое положение меня устраивает.

– Тебя может и устраивает, а вот меня нет, – хмыкнул мужик, и рот его исказило гадкое подобие улыбки.

Девушка вопросительно посмотрела на Гордея, чувствуя, как в душе поднимаются непонятные ощущения, с лидирующей тревогой.

– Я, голубка, о том толкую, что в невестах тебе не пристало ходить боле, – пояснил тот, – по сему уговорился с попом

местным о венчании в Софийском соборе.

Услышанное повергло Дарину в ужас, сердце несчастной с силой стукнуло о грудную клетку и ухнуло куда-то вниз. Глаза широко распахнулись, а рот слегка приоткрылся. Не каждый мог позволить себе обряд венчания в церкви, это считалось небывалой роскошью, убийца и подавно. Да и как же палачу в церкви венчаться?! Богохульство! Но Гордей видимо решил поступиться правилами, значит возымел серьезные намерения, спасения ждать бессмысленно.

Растолковав реакцию невесты по-своему, палач довольно ухмыльнулся:

– Гляжу тебе известие по нраву. Погоди, Даринка, это ещё не всё!

Развернувшись, палач проследовал в смежную комнату. Вернулся, держа в руках сверток средних размеров, подал нареченной. Та бессознательно протянула руки, взяв предлагаемое, медленно, непослушными холодными пальцами, развернула сложенную ткань. Взору открылась передняя часть аккуратно сложенного подвенечного платья из красной парчи и кокошник, украшенный мелкими, поблескивающими перламутровым светом, жемчужинками. Но радости увиденное не доставляло, наоборот, в груди болезненно саднило от недоброго предчувствия.

– Дорогой наряд, – бесцветно выговорила девушка.

– Ничего не жаль для тебя, Даринка, – довольно проворковал мужик, не обращая внимания на мрачный тон юной

особы. – Я с купчихой одной сторговался, хоту, чтоб ты ещё краше стала, чтоб каждый глядя на тебя, лопался от зависти, мол, вон палачу диво какое досталось.

Дарина молчала, собираясь с духом, затем низко опустила голову, едва слышно проговорила:

– Я не могу принять подарка.

– Как же? – вспыхнул мужик.

– Не могу, от того, что замуж за тебя не выйду.

Стоя молча, переваривая услышанное, Гордей с глупой гримасой смотрел на невесту, ощущая, как закипают гнев и ярость, угрожая выплеснуться наружу. Лицо его сперва страшно побледнело, затем побагровело, губы посинели от злобы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.